

Рудольф Штайнер

**Сопереживание годового
кругооборота в четырех космических
имагинациях**

*Пять лекций, прочитанных в Дорнахе с 5 по 13
октября 1923 г.*

и лекция в Штутгарте 15 января 1923 г.

GA 229

Rudolf Steiner

***Das Miterleben des Jahreslaufes in vier kosmischen
Imaginationen***

Содержание:

Первая лекция. Дорнах, 5 октября 1923 г.

Вторая лекция. Дорнах, 6 октября 1923 г.

Третья лекция. Дорнах, 7 октября 1923 г.

Четвертая лекция. Дорнах, 12 октября, 1923 г.

Пятая лекция. Дорнах, 13 октября. 1923 г.

Шестая лекция. Штутгарт, 15 января 1923 г.

Дополнительная лекция. Дорнах, 31 декабря 1915 г.

Из GA 165

Первая лекция. Дорнах, 5 октября 1923 г.

Сегодня мне хотелось бы продолжить с вами разговор о том, о чем было сказано здесь перед моим отъездом в Вену.

Я желал бы показать вам, как в образах может быть выражено происходящее в мире не как физически-чувственный процесс, а как то, что свершается в течение времени под покровом чувственного мира. Об этих вещах необходимо говорить, используя образы, ведь такое образное изложение в высшей степени соответствует действительности. Внешне по отношению к событиям, доступным чувственному наблюдению человека, мы живем сегодня во времена тяжелых испытаний человечества - тяжелых испытаний, которые должны стать еще тяжелее.

Мы живем в то время, когда приходит в упадок вся совокупность старых форм цивилизации, к которым, заблуждаясь, так еще привязаны люди, когда необходимость отыскать себя в новом все сильнее выступает для человека на первый план. Никаких оптимистических надежд - это я высказывал уже не раз - никаких оптимистических надежд не пробудишь в человеческой душе, когда хочешь говорить о том, что разыгрывается в ходе времен, подготавливаясь прежде всего для внешней физической жизни человечества. Но совершенно невозможно сегодня дать хоть сколько-нибудь удовлетворительное суждение о значении внешне происходящего, не учитывая того, что, определяя и направляя, разыгрывается за чувственным покровом в мире сверхчувственных событий.

Дело обстоит так, что, открывая свои физические глаза, используя другие свои физические чувства, человек обращает внимание на то, что находится в окружающем его мире. Он воспринимает в этом случае физическую атмосферу земли, где находятся различные виды существ, где в течение года происходят такие явления, как гроза, ветер. Итак, все это внешнее состояние вещей имеет перед собой человек, направляя свои чувства во внешний мир.

Но за атмосферой, пронизанной солнечным светом, лежит другой мир. Мир, который воспринимается так называемыми духовными органами, - мир, можно сказать, более высокий по отношению к чувственному, мир, где тоже в своего рода духовном, астральном свете сияют духовные существа и разыгрываются духовные события; причем они поистине имеют для общего становления мира и человека значение

ничуть не меньшее, чем все то, что разыгрывается во внешней атмосфере, на внешней поверхности земли.

И если тот, кто способен сейчас проникать во все эти вещи, совершит путешествие в области астрального света, подобно тому как можно совершить путешествие через леса и горы, то он сможет, так же как и обычный путешественник, встречающий на распутье дорожный указатель, встретить в этом астральном свете надпись, исполненную духовным письмом. Надпись эта имеет особенное свойство. Даже для того, кто умеет читать в астральном свете, она понятна далеко не всегда. С духовным миром и его сообщениями дело обстоит совсем не так, они не сразу делаются удобными и доступными - то, что встречается, открываясь, в духовном мире загадочно. И надо сначала с помощью внутреннего исследования, внутреннего переживания определить, что же означает надпись на таком духовном указателе дорог.

Итак, сейчас, в наше время - вообще-то, уже в течение нескольких десятилетий, - но в особенности на настоящий момент тяжелых человеческих испытаний, духовно путешествуя в стране духов, можно прочесть в астральном свете замечательное изречение. Оно походит на прозаическое сравнение, но благодаря внутренней значимости эта проза отнюдь не прозаична. Подобно тому, как посреди поэтического ландшафта могут быть найдены путевые указатели, так же и в астральном свете встречаются с важным духовным дорожным указателем. Я мог бы сказать: все снова и снова, при все новых и новых повторениях находят то же самое изречение. Оно здесь переписано с той весьма значительной духовной надписи, которая в наше время находится в астральном свете:

О, человек,

Его себе на службу создаешь ты,

Его вещественную ценность раскрываешь

Во множестве твоих трудов.

Но лишь тогда оно тебе во благо станет,

Когда ты в нем раскроешь

Возвышенную силу его духа.

Как уже говорилось, то, что записано в астральном свете, то, что человеку, пробудившему свои душевные силы, указывает на нечто значительное, выступает как своего рода загадка, которую надо отгадать.

Вот в эти дни мы и постараемся разгадать это, в сущности, простое, но весьма значительное для современного человечества изречение.

Давайте еще раз вспомним, как мы рассматривали здесь времена года, проводя их перед нашей душой. Чисто внешне эти времена года представляются человеку так: с наступлением весны он видит, как все в природе прорастает и распускается, как ростки, а затем и цветы растений, и все прочее изливается из земли в прорастающей и распускающейся жизни. Клету все это устремляется наверх и летом достигает своей вершины. С наступлением осени оно угасает и блекнет. Оно умирает в лоне земли, (1 Говоря о земле, автор имеет в виду как земную почву, так и Землю как планету, точнее, то полушарие Земли, где наступило соответствующее время года; земля может также обозначать один из четырех элементов или стихий (земля, вода, воздух, огонь).) когда приходит зима.

Эти времена года, которые в древности люди отмечали праздниками, так как тогда преобладало более инстинктивное сознание, имеют еще и другую сторону. Она уже была здесь отмечена. Зимой земля, можно сказать, соединена с ее элементарными духами. Элементарные духи вовлекаются в лоно земли, они живут там рядом с формирующимися корнями растений, рядом с другими существами природы, находящимися зимой в лоне земли. А

затем, когда наступает весна, земля как бы выдыхает эти элементарные существа. Элементарные существа поднимаются как из могилы, они поднимаются вверх, в атмосферу. И если зимой они были подчинены внутренним земным закономерностям, то с наступлением весны, особенно с наступлением лета, они во всем своем существе и образе действий все больше и больше проникаются закономерностями, исходящими от космических звезд и их движений. К середине лета вокруг земли повсюду живут и ткут элементарные существа, которые зимой были так спокойны и тихи под снежным покровом; элементарные существа бурлят и кружатся, и их движение, их взаимоотношения определяются тогда законами движения планет, законами построения неподвижных звезд и так далее. А когда приходит осень, элементарные существа снова возвращаются в землю. Они тогда приближаются к земле, все больше и больше подчиняясь земным законам, для того чтобы вернуться. К зиме земля как бы вдохнет их, и они снова будут спокойны и тихи в ее лоне.

Кто может сопереживать эти времена года, тот почувствует, что благодаря этому сопереживанию несравненно обогатится вся его человеческая жизнь. Современный человек и люди прошлого с относительно давних времен переживают (причем все более смутно и бессознательно) только эфирно-физические процессы своего собственного тела, того, что находится внутри кожной оболочки. Переживают свое дыхание, циркуляцию крови. Однако все, что происходит в течение года, в грозах, в ветре, все, что живет в силах набухания семян, в земных силах созревания, в силах солнечного сияния, - все это ничуть не менее значительно для общей жизни человека, даже если человек и не осознает этого; оно не менее важно, чем дыхание и циркуляция крови, совершающиеся внутри нашей кожной оболочки. Человек сопереживает то, что возникает благодаря теплу и излучению солнца, которое восходит где-нибудь на земле. И если человек правильно воспринимает антропософию, если он читает антропософские вещи не как сенсационный роман, а именно указанным образом, то все содержащееся в антропософии становится его внутренним содержанием, и тогда он постепенно воспитывает свою душу и свое сердце для сопереживания времен года. И так же, как время дня переживается то в утренней свежести, то в готовности к работе около полудня, то в ощущении голода,

то в усталости, приходящей к вечеру, так же, как здесь человек ощущает внутри своей кожи внутреннюю жизнь и жизненную активность сил и материи, - точно так же может человек действительно ощущать, чувствовать все то, что живет и тклет во временах года, чувствовать и ощущать благодаря тому, что он подготовил свои чувства, проникся антропософскими идеями, далекими от описания только чувственных событий. И это сопереживание* (*Об употреблении слов "сопереживание", "сопережить", "сопереживать". Эти сами по себе редкие слова используются как специальные термины, указывающие на некоторое отождествление субъекта переживания с объектом. В отличие от таких слов, где объект и субъект явно разделены: "сочувствовать", "сострадать", "соболезновать", требующих дательного падежа (вопрос кому? чему?), вышеуказанные слова употребляются в данном тексте с винительным падежом (вопрос кого? что?), так же как и слова с приставкой со-, подчеркивающие некоторое отождествление субъекта и объекта: "сознавать", "созерцать", "сотворить". - Прим. пер.) времен года может все более углубляться, обогащаться, может действительно привести человека к тому, что он не будет, так сказать, "киснуть" только внутри своей кожи, когда все внешнее проходит мимо, нет, тогда человек сможет переживать так, что каждый цветок зацветет и в его чувстве, он сопереживает цветение цветка, сопереживает то, как распускаются почки. В капельках росы, из которых сияют солнечные лучи, в сияющем свете он сопереживает удивительные тайны дня, с которыми именно в этих капельках росы можно встретиться утром. Так человек может возвыситься над филистерски прозаическим переживанием внешнего мира, которое состоит в том, что зимой одевают пальто, летом ходят налегке, а если идет дождь - берут с собой зонтик. Когда возвышаются над прозаическим, возвышаются до этого сопереживания прядения и движущих сил, объектов и явлений природы, только тогда по-настоящему понимают времена года.

Но тогда, во время весны и при наступлении лета, человек своим сердцем и своей душой окунается в то, как появляется распускающаяся и прорастающая жизнь, как повсюду элементарные существа стремительно летают по линиям, предначертанным для них ходом планет. В течение лета он сам живет тогда в космической жизни; это несколько заглушает непосредственную, собственную жизнь человека,

но при этом человек в своих собственных переживаниях приводится в состояние, можно сказать, космического полусна-полубодрствования, это вводит человека в середине лета в сопереживание планетарных процессов.

Сейчас дело обстоит так, что человеку только кажется, будто он живет в природе, сопереживая цветение, произрастание, зарождение и созревание. Но хотя современному человеку и не удастся сопережить зарождение и созревание, все же его сердцу и чувству это зарождение и созревание гораздо ближе, чем умерщвление, угасание и отмирание, происходящие осенью.

Но мы только в том случае добьемся сопереживания созревания, роста, цветения и зарождения, если в то время, когда лето склоняется к осени, мы сможем сопережить ту угасающую, блекнущую, поникающую и умирающую жизнь, которая бывает осенью. И если в середине лета в состоянии космического бодрствования сна мы поднимаемся с элементарными существами в те области, где вовне и внутри нашей души проявляются планетарные воздействия, то к середине зимы мы должны спуститься сквозь зимний мороз и снежный покров к тайнам земных недр, мы должны участвовать в умирании и угасании природы, которое начинается осенью.

Но если бы человек стал сопереживать это увядание так, как сопереживал прорастание и цветение, он мог бы тогда как бы соумираться в своем внутреннем. Ибо если он сможет ощущать то, что таинственно ткет в природе, и благодаря этому активно сопереживать рост, созревание и зарождение, то он так же живо переживет и то, что происходит во внешнем мире с наступлением осени. Однако было бы весьма печально для человека, если бы его сопереживание касалось только природного, если бы и по отношению к тайнам осени и зимы он достигал только природного сознания, как достигал он его по отношению к весенне-летним тайнам. Подходя к тайнам осени и зимы во время Михайлова дня, человек должен в чувстве сопереживать увядающее, умирающее, угасающее, мертвое, но он должен делать это иначе, нежели в середине лета, когда отдавался природному сознанию. Напротив, он должен развивать самосознание. В

то время, когда природа умирает, он должен противопоставить природному сознанию силу самосознания.

И тогда выступает образ Михаила. И если человек благодаря антропософии получает побуждение вступить в такое отношение с природой, в такое природное сознание, а тем самым и в осеннее самосознание, тогда во всем своем величии предстанет образ Михаила с драконом; тогда предстанет то, что человек с приближением осени ощутит как преодоление природного сознания благодаря самосознанию. Это произойдет, если человек сможет внутренне сопереживать не только весну и лето, но если он сможет также пережить убивающую, умертвляющую внутреннюю осень и зиму. И при переживании умирающей осени и зимы как мощная имажинация, (Видение, объективно отражающее природные или душевно-духовные процессы.) как побуждение человека к внутренней деятельности может предстать образ Михаила с драконом.

Тогда для человека, который благодаря современному духопознанию пробьется к этому образу, этот образ, то, что он ощутит в нем, будет выражать нечто чрезвычайно властное. Когда минует середина лета и оно начнет убывать все больше и больше, когда после Иванова дня придут июль, август и сентябрь, человек начнет замечать, что он жил как бы по направлению от себя, жил в бодрственном сне внутреннего планетарного переживания с элементарными существами земли. Сопереживая это, он начнет замечать, что же, собственно, происходит в нем самом. А происходит внутренний процесс сгорания, который не следует представлять себе как внешний, ибо хотя все те процессы, которые внешне имеют определенное выражение, продолжают жить и в человеческом организме, там они становятся иными.

Фактически дело обстоит так, что, когда человек проходит годовой цикл, в его организме протекают различные процессы. В середине лета в человека оказывается как бы внутреннее вотканное то, что, так сказать, внешне, грубо материально проявляется как сера. Это внутренняя сульфуризация, которую переживает человек в своем физически-эфирном существе, если он сопереживает летнее

солнце и его воздействие. То, что несет в себе человек от той, используемой внешне серы, сульфура, в середине лета имеет для него совсем иное значение, чем во время зимних холодов или весеннего зарождения. В середине лета серное в человеке находится в процессе сгорания. Развитие человеческого естества во времена года таково, что в середине лета этот серный процесс во внутреннем человека переходит в своего рода особое духовное состояние. Материя в различных существах действительно имеет тайны, которые еще и не снились материалистической науке. Итак, в середине лета все физически-эфирное в человеке пылает - если использовать выражение Якоба Беме - пылает от внутреннего серного огня. Это может оставаться в подсознании, ведь это тонкий, интимный процесс. Но насколько тонок и интимен этот процесс - поэтому-то он и не воспринимается обычным сознанием, - настолько же имеет он и огромное коренное значение для того, что происходит в космосе.

Этот процесс сульфуризации, протекающий в теле человека в середине лета, играет огромную роль в эволюции космоса, хотя он нежен и тонок и сам человек его не воспринимает. Много происходит здесь, в космосе, когда летом люди начинают внутренне сульфурически светиться. Не только Ивановы жуки (светлячки. -Прим. пер.) светятся для физических глаз человека к Иванову дню. При взгляде вниз с других планет, для эфирных глаз инопланетных существ к Иванову дню внутреннее людей становится светящимся, сияющим существом. В середине лета для инопланетных существ люди начинают блестеть, излучать свет в мировое пространство, так же как к Иванову дню блестят на лугу светлячки.

Для космического наблюдения это красивое и величественное зрелище, ведь это величественный астральный свет, который в середине лета излучают люди в космос. Но из-за того, что оттуда выглядит так величественно и красиво, создаются условия, в которых к человеку могут приблизиться ариманические силы. Вещество, сульфуризирующееся в людях, очень родственно ариманическим силам. Так что, с Одной стороны, видно, как Иванов свет струится от людей в космос, и в то же время сквозь этих людей в астральном свете, сияющих в космос,

извиваются драконообразные земные образы Аримана, они стремятся опутать, обвить людей, они стремятся совлечь их в сонное, грезящее состояние, в подсознание. Из-за этой иллюзорной игры космически светящиеся люди должны были бы под влиянием Аримана впасть в состояние мирового сна, и в это мировом сне они могли бы стать добычей ариманических сил. Все это имеет значение для космоса.

И когда в середине лета из некоторых созвездий в мощном метеорном рое низвергаются на землю камни метеоритов, когда космическое железо падает на землю, тогда эти космические метеориты, в которых заключены огромные целительные силы, становятся оружием богов. Оно направлено против Аримана, который хочет, как дракон, обвить светящихся людей. Сила, низвергающаяся на землю в метеоритах, в метеорном железе, это и есть та мировая сила, с помощью которой высшие боги стремятся победить силы Аримана, когда наступает осень. И то, что здесь находится вовне, во Вселенной пространственно разыгрывается с грандиозным величием, когда в астральном свете человеческие излучения пронизываются августовским роем метеоритов. То, что столь грандиозно разыгрывается здесь, вовне, имеет свой противоположный образ, весьма тонкий и кажущийся незначительным в чисто пространственном смысле, а именно то, что происходит в человеческой крови. Эту человеческую кровь не следует представлять себе так материалистически, как это делает современная наука. Эта кровь повсюду возбуждается духовно-душевно, она проникается и пронизывается железом, излучающимся в кровь, железом, которое, преодолевая страх, боязнь и ненависть, делается составной частью крови. При связывании железа в каждом кровяном тельце в человеке миниатюрно, в малом, протекает тот же самый процесс, что разыгрывается, когда в воздухе, сверкая и светясь, проносится, падая, камень метеорита. Внутри человека воздействия метеоритов проявляются в пронизании его железом. Это освобождает кровь от страха, ибо бесстрашие, смелость - это то, что излучается сюда вместе с железом.

Своими метеоритами боги борются против того духа, который хотел бы благодаря своим змеиным образам излучать страх над всей землей. Боги дают железу возможность пронизать своими излучениями эту атмосферу

страха, и это происходит наиболее интенсивно, когда наступает осень, когда минует середина лета. То же самое делают боги и здесь, внутри человека, когда они пронизывают кровь железом. Все эти вещи поймешь только тогда, когда, с одной стороны, поймешь их внутреннее духовное значение, и, с другой - познаешь, каким образом соединения серы и железа в человеке связаны с тем, что происходит в космосе.

Человек, который наблюдает в пространстве падающие звезды, может с благоговением перед Богом сказать: то, что происходит там, вовне, в далях пространства, на атомарном уровне продолжается во мне; здесь тоже падают эти метеориты, и при этом в каждом кровяном тельце образуются соединения железа - вся моя жизнь наполнена падающими звездами, маленькими падающими звездами. И это внутреннее выпадение метеоритов, которое и является собственно жизнью крови, это внутреннее выпадение метеоритов становится особенно значительным, когда приходит осень и процесс сульфуризации достигает своей высшей точки. Тогда, когда происходит это описанное мной сияние, это превращение человека в светящегося червя, в светлячка, тогда возникают и противодействующие силы - они в том, что внутри роятся миллионы искрящихся метеоров крови.

Такова связь Вселенной с тем, что внутри человека. И затем мы видим, как из нервной системы, пронизывающей человеческое тело, к мозгу текут мощные излучения серы, сульфура, особенно в это время года, осенью. Когда наступает осень, можно увидеть всего человека как светящийся серный фантом.

Но в эту голубовато-желтую серную атмосферу вторгается рой метеоров, которые связаны с жизнью крови. Это другой фантом. И в то время как серный фантом в виде тянущихся облаков поднимается к голове снизу вверх от нижнего человека, от головы, из соединений железа, излучается метеорный рой, струящийся сверху вниз в оживляющем бытии крови.

Таков человек в то время, когда приближается Михайлов день. И он должен научиться использовать в своем сознании метеоритные силы своей крови. Он должен научиться праздновать Михайлов день как праздник бесстрашия, как праздник, освобождающий от страха; праздновать Михайлов день как праздник внутренней инициативы и внутренней силы, праздник, ведущий к укреплению памяти бессамостного самосознания.

Как в Рождество празднуют рождение Спасителя, на Пасху празднуют смерть и Воскресение Спасителя, в Иванов день празднуют космическое излияние человеческой души в мировые дали, так и в Михайлов день, если действительно хотят понять праздник Михаила, надо праздновать то, что духовно живет в процессе сульфуризации и метеоризации человека. В Михайлов день этот процесс должен вставать в сознании человека во всем своем душевно-духовном значении. Человек говорит себе: ты станешь господином этого процесса, который до сих пор бессознательно протекал в тебе, направляемый из царства природы, если ты в Рождество, благодарно склоняясь перед рождением Спасителя, с глубоким внутренним душевным порывом переживая Пасху, переживешь в этом осеннем празднике Михаила как должно, в тебе пробудится все то, что, преодолевая удобство и страх, должно развиваться во внутреннюю инициативу, в свободную, сильную и мужественную волю. Праздник сильной воли - вот как надо представлять себе праздник Михаила. И если это так, если природное сознание так объединит себя с истинным духовным человеческим самосознанием, то и праздник Михаила приобретет свой настоящий колорит, свою настоящую окраску.

Поэтому, прежде чем человечество сможет думать о праздновании Михайлова дня, поистине необходимо обновление всего душевного строя, ведь именно это обновление всего душевного строя и должно происходить на Михайлов день. Не внешним, не подобным обычным узаконенным праздникам должен стать праздник Михаила; проведенный по достоинству, он должен стать праздником, который обновляет все внутреннее человека.

Тогда из всего только что описанного мной выступает величественный образ Михаила с драконом. Образ Михаила с драконом вырисовывается нам тогда из космоса. И сам дракон вырисовывается нам, строя свое тело из голубовато-желтых серных потоков. Мы видим мерцающий, светящийся образ дракона, подобно облаку, образующийся в серных парах, над которым возвышается Михаил, обнажая свой меч.

Но изображение будет правильным, мы нарисуем его правильно в том случае, если атмосфера, то пространство, в котором Михаил во всем своем величии властвует над драконом, заполнится не безмятежными облаками, а стремительным роем железных метеоритов, - роем, который образуется благодаря власти, струящейся из сердца Михаила, образуется, сплавляясь в его железный меч. И этим железным мечом, состоящим из метеоритов, Михаил побеждает дракона.

Если понимают, что происходит во Вселенной и в людях, тогда космос как бы вырисовывает свои силы. Не человеческий произвол накладывает тогда ту или иную краску. Тогда рисуют в соответствии с божественными силами мира, которые раскрывают свою сущность - сущность Михаила с драконом. Это может быть представлено. Это может вырисовываться при непосредственном взгляде в космос, вырисовываться как обновление древнего образа.

Тогда будет изображено то, что есть на самом деле, а не то, что некоторые фантазеры представляют себе сегодня как образ Михаила с драконом. Тогда человек поймет, осмыслит и душой, чувством и волей сопереживает осень во временах года. Тогда на Михайлов день будет вставать образ Михаила с драконом; то, что должно действовать на человека в событиях нашего времени как мощное требование, как мощная побудительная сила. Тогда станет понятно, как это воздействует на симптомы всей судьбы и, быть может, трагедии нашей эпохи.

За последние три или четыре столетия мы создали великую науку о природе, которая действует в материальном, которая вызвала всеохватывающий рост развития техники.

Мы видим, как за последние три-четыре столетия эта техника особенно преуспела в том, что можно сделать из очень распространенного вещества, которое мы находим в земле. Мы научились создавать из железа земли почти все наиболее значительное и существенное из того, что строят и применяют люди материалистической эпохи. Мы видим наши паровозы, наши индустриальные города, мы повсюду видим, как из железа и стали, которая тоже является преобразованным железом, построена вся наша материальная культура. Она везде построена из железа. И в применении железа симптоматически выражается то, что мы все наше мировоззрение, всю нашу жизнь строим на материальном, и в дальнейшем мы хотим строить ее на материальном.

Но это ведет человека вниз. Он сможет спастись от того, что приходит, если начнет с одухотворения именно в этой области, если с помощью атмосферных влияний он поднимется к этой одухотворенности, если именно здесь, в этой области, начнет от железа, что производят металлургические заводы для паровозов, смотреть вверх, если он обратится к железу метеоритов, из космоса устремляющихся на землю, которые являются внешним материалом Михаэлической силы. Людям надо увидеть, насколько значительно сказанное здесь; здесь, на земле, в эпоху материализма, ты используешь железо в соответствии с твоими взглядами на материю; благодаря развитию естественных наук ты должен взгляды на материю преобразовать в духовную науку, и точно так же должен ты подняться от того, чем было для тебя железо, к созерцанию метеорного железа, железа меча Михаила. Тогда из того, что ты сможешь делать, придет к тебе исцеление. Это, мои дорогие друзья, и содержится в изречении:

О, человек,

Его себе на службу создаешь ты,

Его вещественную ценность раскрываешь

Во множестве твоих трудов,

Но лишь тогда оно тебе во благо станет,

Когда ты в нем раскроешь

Возвышенную силу его духа, -

Возвышенную силу Михаила с мечом, который сам сливается в мировом пространстве из железа метеоритов. Если в материальной культуре человек сумеет одухотворить силу железа, сделать ее силой железа Михаила, это приведет его из чисто природного сознания к самосознанию.

Вы увидели, что в этом изречении в астральном свете содержится важнейшее требование времени - требование Михаила!

Вторая лекция. Дорнах, 6 октября 1923 г.

Вчера перед нами стоял выявляющийся из внутреннего понимания времен года образ Михаила, борющегося с драконом. Настоящим искусством может быть только передача того, что человек ощущает в связи со Вселенной. Разумеется, это может осуществляться в различной степени, с различных точек зрения, но в целом только то может быть произведением искусства, что вызывает в человеческом чувстве впечатление мировых тайн, которые может раскрыть душа благодаря этому произведению искусства.

Сегодня мы хотим в духе нашего вчерашнего обсуждения, в апогее которого мы коснулись образа Михаила с драконом, последовать во временах года дальше.

Из предшествующего изложения вы знаете, что с наступлением осени происходит как бы вдох земли, духовный вдох земли. Он вовлекает в самое лоно земли элементарные существа, путь которых в середине лета лежал вовне. Они

снова возвращаются обратно с наступлением праздника Михаила, возвращаются назад, пока наконец не окажутся глубокой зимой тесно связанными с недрами земли.

Мы должны представить себе, что именно в зимнее время земля является существом, в высшей степени замкнутым в себе. Она вбирает в себя из Вселенной все, что летом было свободно от земли и устремлялось вовне, - это особенно относится к духовному.

Итак, глубокой зимой земля является в полном смысле землей: вся ее собственная сущность находится в ней. И чтобы иметь основу для дальнейшего обсуждения, нам надо будет рассмотреть именно сущность земли зимой, не забывая при этом, что, когда на одной половине Земли зима, на другой ее половине - лето. Вы должны иметь в виду, что это так. Однако мы представим себе ту часть Земли, где приближается середина зимы. Здесь Земля раскрывает то, что непосредственно в глубочайшем смысле является ее собственным существом, то, что ее делает настоящей Землей.

Давайте-ка посмотрим на эту Землю. Это твердое земное ядро, снаружи видна только ее внешняя поверхность; но это твердое земное ядро в большей части покрыто сверху гидросферой, водной массой Земли. Континенты как бы плавают в этой водной массе. Эту водную массу мы даже можем себе мыслить продолженной еще дальше, в воздушную сферу; ведь воздушная сфера наполнена водой, которая, правда, здесь в гораздо более тонком состоянии, чем вода морей и рек, но, в сущности, поднимаясь от моря в воздушную сферу, четкой границы водного мы не обнаружим. Так что, схематизируя Землю в этом отношении, мы должны нарисовать ее так: в середине мы имеем твердое земное ядро (см. Доска 1, зеленое). Вокруг этого твердого земного ядра мы имеем водную область (голубое). Здесь я, конечно, должен обозначить и континенты, как они возвышаются, и т. д. Все это обозначено условно - ведь изгиб должен производить впечатление выпуклости, как у апельсина. Вокруг я должен обвести то, что в воздушной сфере я обозначил как гидросферу, водяную массу. Давайте посмотрим на эту область (голубое) и спросим себя: что же это, собственно, такое? Эта область образуется не только сама по себе, эта

область по своей сути является водой во всем космосе. Эта область, как форма, выявляется из целого космоса. Космос в любом направлении является сферой, шаром, и только поэтому то, что как вода и воздушная масса простирается вверху, представляется нам круглым, шарообразно очерченным.

Но это мощно воздействует на Землю в целом. Так что если бы мы взглянули на Землю с какой-нибудь другой планеты, она показалась бы нам, пожалуй, большой водяной каплей в космосе, в которой были бы всякого рода возвышения, континенты, имеющие иную окраску; она показалась бы нам большой водяной каплей в космосе.

Обо всех фактических состояниях мы можем говорить с космической точки зрения. Так что же это, собственно, за капля, которая именно как капля воды движется во Вселенной? Это нечто такое, что сохраняет форму капли благодаря всем космическим связям. Если подойти к делу духовнонаучно, то есть обратиться к имажинации и инспирации, (Ступени ясновидческого познания: духовное видение и духовное слышание.) можно узнать о том, что же это, в сущности, за капля. Эта капля не что иное, как огромная капля ртути. Это поистине огромная капля ртути, хотя ртутная субстанция находится здесь в крайне тонком состоянии, чрезвычайно тонком .

Возможность такого тонкого состояния сейчас точно доказана благодаря работе фрау доктора Коли-ско. Именно в нашем штутгартском биологическом институте впервые была сделана попытка обосновать это точно. Здесь стало возможным готовить разведенные вещества концентрацией до одной триллионной, и удалось точно установить фактические воздействия, которые в столь тонком состоянии производят некоторые вещества. Таким образом то, что до сих пор могло основываться только на вере - воздействие некоторых веществ в гомеопатии, - было благодаря этому действительно возведено в ранг точной науки. Графики, приведенные здесь сегодня, не позволяют сомневаться в том, что воздействие мизерных доз носит ритмический характер. Мне не хотелось бы детализировать: работа уже опубликована, и ее детали сегодня где угодно

можно проверить. Но я только хочу здесь подчеркнуть, что в области земного необходимо считаться с крайне тонкими состояниями, которые оказывают воздействие.

Здесь нам действительно приходится иметь дело с тем, о чем можно сказать: употребляя малые дозы, имеют дело с водой. Из источников и рек черпаем мы воду нашими кувшинами и ведрами и используем ее. Конечно, это вода, но ведь нет такой воды, которая состоит только из водорода и кислорода. Было бы бессмысленно верить, что есть только вода, состоящая из водорода и кислорода. В железистых источниках и в некоторых других водах, конечно, очень заметно, что там есть что-то еще. Но нет воды, которая состояла бы только из водорода и кислорода, ведь это лишь приблизительная формула. Вода, встречающаяся повсюду, пронизана чем-то другим. Для космоса общая водная масса земли проявляется главным образом как ртуть. В качестве воды она проявляется для нас лишь в тех ее небольших количествах, которые мы имеем. Для космоса же эта вода - не вода, а ртуть.

Итак, мы может сказать: в гидросфере принимается во внимание вода, в космосе же мы должны относиться к ней как к некоей капле ртути. В эту каплю ртути, конечно, включены минеральные субстанции - короче, она включает в себя все, что является земным. Она представляет собой то, что затем становится твердой земной массой. Она имеет тенденцию принимать свою собственную специфическую форму. Так что, рассматривая эту картину, мы должны видеть общую шарообразную форму - это форма ртути; обычная металлическая ртуть, является только, так сказать, природным символом того, что делает ртуть вообще, - она совершенно определенно выявляет шарообразную форму. Сюда включено все, что многообразно проявляется в собственных дифференцированных формах: минеральные кристаллические формы. Так что мы можем сказать: вот перед нами сейчас эта картина - земля, вода, воздух и все это вместе имеет ту тенденцию к формообразованию, о которой я только что говорил; отдельные, дифференцированные кристаллические формы внутри целого, стремящегося принять шарообразную форму (см. Доску 1).

Если же мы возьмем воздух (темно-красное), окружающий Землю как атмосфера, то мы не можем говорить о нем как только о воздухе; этот воздух всегда имеет тенденцию каким-нибудь образом, в какой-либо степени иметь теплоту. Он насквозь пронизан теплотой (фиолетовое). Итак, мы имеем при этом также четвертый элемент - теплоту, включенную в воздух.

Эта теплота, сверху проникающая в воздух, является прежде всего тем, что несет в себе серный процесс, сульфурный процесс, передающийся некоторым образом из космоса. Мы можем сказать: из космоса передается серный процесс. В серный процесс включен ртутный (меркуриальный) процесс, как он был изображен мной для воды и воздуха. Воздух-тепло - серный процесс; вода-воздух - ртутный процесс.

Углубляясь в землю, вовнутрь Земли, нам приходится рассматривать то, чем, собственно, хочет быть земля, - т. е. процесс кислотообразования и в конечном счете солеобразования, так как кислоты становятся солью. Глядя вверх, в космос, мы имеем дело с процессом сульфуризации, с серным процессом. Рассматривая тенденцию Земли стать космической каплей, мы видим, собственно, ртутный процесс. Взглянув же вниз, под покров земли, из которой весной устремляется кверху прорастающая и распускающаяся жизнь, мы видим солевой процесс.

Этот солевой процесс важнее всего для прорастающей и распускающейся жизни, ведь корни растения, образуясь из семени, всем своим ростом непосредственно обязаны тому отношению, в котором они стоят к солям, к солеобразованию в земной почве. Соли, которые в широком смысле слова содержит земная почва, отложения, содержащиеся в этой почве, составляют то, что дает субстанцию для корней, что делает корни именно корнями, то есть земной основой растительного мира.

Итак, обратившись вовнутрь Земли, мы имеем солевой процесс. Это то, что в середине зимы Земля, так сказать, делает сама, в то время как летом сюда вмещивается, я бы

сказал, происходящее поверх земли. Процессы сульфуризации пронизывают воздух, процесс сульфуризации живет в громе и молнии; затем он спускается вниз, и оттуда сульфуризация распространяется на то, что подвержено кругообороту года. После, к Михайлову дню, мы имеем дело с процессом, где, как я это объяснял вчера, процесс сульфуризации тормозится железом. Затем, в свою очередь, солевой процесс внедряется летом в атмосферу, ведь растения, расцветая и прорастая в своих листьях и цветах, выносят соли наверх, вплоть до семян. Разумеется, в самых разных частях мы находим соли; затем они эфиризуются, внедряются в эфирные масла и так далее, они сближаются с процессом сульфуризации. Но таким образом через растения соли выносятся наверх. Их сущность также устремляется вовне, становится атмосферной сущностью.

Так что в середине лета мы имеем смешанное, взаимопроникающее бытие всегда имеющегося в Земле ртутного начала с началом серным и солевым. Когда в середине лета мы стоим на земле, наша голова, в сущности, погружена в смесь сульфура, ртути и соли. А в то время, когда наступает середина зимы каждый из этих принципов - соль, ртуть и сера - находятся в своем собственном внутреннем состоянии. Соль втягивается внутрь Земли, гидросфера, водообразное, стремится принять шарообразную форму. Округлость или, по крайней мере, сфероподобность снежного покрова является в некотором роде внешним признаком округлости, шарообразности водного. Серный процесс отступает назад, так что в это время года нет необходимости уделять ему особое внимание. Как раз наоборот, вместо серного процесса в середине зимы выступает нечто иное.

Растения развивались с весны до осени. Они превратились в семена. Что же такое процесс семяобразования? С превращением растений в семена вовне, в природе, дело обстоит так, что мы своим по-человечески несовершенным способом продолжаем этот процесс, когда приготавливаем растения в пищу на кухне. Мы варим растения. Этот выгон цветка, это образование семени есть природная варка, это встречное движение по отношению к серному процессу. Растения врастают в серный процесс. И когда лето достигает

вершины, они, так сказать, сильнее всего сульфуризируются. Затем с приближением осени сгорание завершается.

Конечно, в органическом все происходит иначе, не так, как мы видим это вовне, в грубых неорганических процессах, но все же при любом сгорании остается зола. И к тому, что на совершенно ином пути наступает в соле-образовании, так необходимом внутри земли, добавляется то, что в результате семяобразования растений, цветения растений, процесса варения, процесса сгорания выпадает на землю от каждого отдельного растения. Это играет важную роль, которая обычно не учитывается. То, что происходит в наших печах, когда выпадает зола, играет важную роль во временах года на земле, ибо при образовании семян, которое есть, в сущности, сгорание, постоянно выпадает зола, и земля с октября целиком пропитана зольными образованиями.

Так что, наблюдая землю в середине зимы, мы видим внутреннюю тенденцию к солеобразованию, в дальнейшем имеем процесс образования ртути в его ярко выраженной форме; в середине лета мы должны обратить внимание на сульфуризацию внеземного космоса, и сейчас (т. е. осенью, в октябре. - Прим. пер.) мы имеем дело с образованием золы.

То, что к Рождеству достигает своей вершины, подготавливается уже начиная с Михайлова дня. Земля все больше и больше консолидируется, стремится стать к середине зимы космическим телом, проявиться в образовании ртути, соли и золы. Что означает это для Вселенной?

Если бы блоха стала анатомом и занялась исследованием кости, то перед ней был бы слишком маленький кусочек этой кости, ведь она сама слишком мала; она исследовала бы эту кость, используя свой блошинный кругозор. Она тогда бы установила, что здесь мы, мол, имеем дело с фосфорнокислой известью в аморфном состоянии, а также с углекислой известью и так далее. Если бы блоха была анатомом, ей бы не пришлось в голову, что эта кость - только частичка скелета. Конечно, блоха горазда прыгать, но если она исследует мелочь, то в этой мелочи и застревает. И человеку, будь он

геолог или минералог, также мало бы помогло уметь прыгать подобно большой земной блохе; изучая горные массы, которые в совокупности своей являются костной системой; он делал бы то же самое, что она делает в маленьком масштабе. Блоха не сумела бы описать костную систему, стала бы отколупывать кусочки своим молоточком. Она, скажем, стала бы своим маленьким блошиным молоточком отбивать кусочек ключицы; но этот маленький кусочек углекислой и фосфорнокислой извести никогда не открыл бы ей то, что в целом составляет плечевую ключицу, не говоря уже о том, что она принадлежит к единой системе костного образования.

Блоха ухватилась бы за маленький кусочек, отбитый ее маленьким молоточком, а затем стала бы со своей блошиной точки зрения описывать его, так же, как человек описывает землю, если он где-нибудь, скажем, на дорнахской горе, отколупнет кусочек юрской извести (юрская известь - Юра - горный кряж в Швейцарии. - Прим. пер.). Не правда ли, он опишет затем этот кусок, и это будет после переработано в минералогию, в геологию и так далее. Это разрастется, но останется точно той же блошиной точкой зрения.

Так, конечно, не придешь к истине, так ничего не сделаешь, а речь идет о том, чтобы действительно прийти к тому, что Земля является единой структурой и в наибольшей степени она консолидирована в середине зимы в ее образованиях соли, ртути и золы.

Что же означает сущность Земли в целом, с космической, а не блошиной точки зрения? Видите ли, все, что в широком смысле слова является солеобразованием, то есть в физическом смысле то, что осаждается при солеотложении, как, например, в маленьком сосуде воды может выпадать в осадок поваренная соль, все, что таким образом является солеобразованием в широком смысле - я не хочу сейчас углубляться в химию, здесь это неуместно, - все это имеет свойство своего рода проницаемости для духовного. Там, где есть соль, там для духовного имеется как бы свободное пространство. Духовное может находиться там, где есть соль. Так благодаря тому, что в середине зимы земля по отношению к ее солеобразованию консолидируется,

элементарные существа, сначала те, что связаны, объединены с землей, те, что имеют, так сказать, пристанище во внутреннем земли, а также и иная духовность космоса привлекаются и могут как бы жить в солевой прослойке непосредственно под поверхностью земли. И в этой солевой коре, которая находится непосредственно под поверхностью земли, становятся особенно деятельными силы Луны, остаток лунных сил, о которых я часто говорил вам в этих обсуждениях, те, которые остались после отделения Луны от Земли.

Эти лунные силы становятся деятельными в земле преимущественно благодаря тому, что в земле содержится соль. Так что прямо под поверхностью земли, непосредственно в той отверделости под покровом снега, который, стремясь с одной стороны, сверху, к ртутному, снизу переходит в солеобразное, мы имеем здесь во всех веществах земли соль, пронизанную духовностью. К зиме земля (Земля как почва и как континентальная часть того полушария, где зима.) поистине становится духовной в себе благодаря ее солям, которые здесь особенно консолидируются.

Вода, так называемая космическая ртуть, имеет внутреннюю тенденцию к сферическому формированию. Здесь повсюду выступает эта тенденция к шарообразности. И вследствие этого земля в середине зимы способна не только застывать в соль и пронизывать эту застывшую соль духом, она способна также оживить эту пронизанную духом материю, перевести ее в живое состояние. В середине зимы земля в целом оживает под своей поверхностью. В духовном и солевом принципах благодаря ртутному принципу повсюду действует тенденция к оживлению. Огромные усилия прикладывает земля зимой, чтобы распространить под своей поверхностью жизнь.

Однако эта жизнь стала бы лунной жизнью, ибо, как я говорил, внутри действуют преимущественно лунные силы. Но благодаря тому, что от семян выпадает зола, благодаря тому, что все вышеописанное пропитано золой, благодаря этому внутри целого имеется и то, что отдает все эти образования в распоряжение земли.

Растения устремлялись в процесс сульфуризации, в этом процессе сульфуризации выпадала зола. Это снова возвращало земле растения после того, как они устремлялись, так сказать, в эфирно-духовное. Итак, в глубине зимы на земной поверхности мы наблюдаем тенденцию к вбиранию духа в себя, к оживлению себя, причем лунное преобразуется в земное. Здесь Луна благодаря земным остаткам золы, выпадающим тут, принуждена распространять живое не по-лунному, а по-земному. Теперь давайте перейдем от того, что нам было здесь показано в отношении к поверхности земли, к тому, что есть в окружении земли, - к воздушным образованиям. В любое время года, особенно в глубине зимы, огромное значение для воздуха имеет то, что солнце пронизывает этот воздух своим теплом, - свет мы сейчас не принимаем во внимание.

В науке все рассматривают, в сущности, так обособленно, как будто этого в действительности вовсе нет. В воздухе, говорят люди, содержатся кислород, азот и другие вещества. Но в действительности это не так. Воздух - это не только кислород и азот, воздух всегда пронизан солнцем. Реально то, что воздух днем всегда несет воздействие солнца. Итак, воздух переносит солнечное воздействие. Что означает это солнечное воздействие, несомое воздухом? Оно означает, что находящееся вверху постоянно стремится вырваться прочь из земли. Если бы то, что я недавно описывал как образование соли, ртути и золы, было бы замкнуто в себе, то тогда все здесь стало бы исключительно земным. Но так как вверху то, что стремится высвободиться из земли, подвержено действию солнца и воздуха, то, что хочет действовать как земное, преобразуется в космическое. Земля теряет власть действовать в живом и духовном обособленно. Во всем растущем вверх приобретает значение воздействие Солнца. Наблюдая духовно, замечают, что здесь постоянно существует как бы линия над Землей, особенная тенденция (см. Доску 1). На самой Земле все стремится принять шарообразную форму (темно-красное); здесь же, вверху, постоянно действует тенденция распрямлять шарообразное в плоское (красное). Этой тенденции препятствует Земля, придающая сферичность, но наверху сферическое всегда стремится стать плоским. Находящееся наверху хотело бы, в

сущности, разорвать, разъять Землю здесь, внизу, так, чтобы все в космосе стало бы только плоским.

Если бы это могло осуществиться, то воздействия Земли вообще бы полностью исчезли, и здесь, вверху, образовалась бы преимущественно разновидность воздуха, подверженного воздействиям звезд. Это весьма сильно выражается в человеке. Что мы, как люди, имеем от того, что здесь, наверху, есть воздух, несущий воздействие Солнца? Мы вдыхаем его, и благодаря тому, что мы в себя вдохнули, солнечное воздействие распространяется вниз, но еще больше вверх. Наша голова постоянно изолируется от воздействия Земли. И благодаря этому наша голова обретает возможность быть причастной ко всему Космосу. Нашей голове всегда, в сущности, хочется вырваться в эту плоскообразность. Если бы именно в зимнее время наша голова находилась только под влиянием земных образований, все наше переживание мысли стало бы другим. Мы бы имели тогда чувство, что все мысли хотят стать круглыми. Они не становятся круглыми, зато они обладают известной легкостью, невесомостью, некоторой текучестью. И это происходит от особенного влияния солнечного воздействия.

Здесь вы имеете вторую тенденцию, здесь солнечное вторгается в земное. Слабее всего это проявляется в зимнее время. Если бы мы поднялись выше, то выступило бы нечто иное. Здесь мы бы имели дело не с солнечным воздействием, а с воздействием звезд, которое, в свою очередь, влияет на нашу голову. Солнце, так сказать, возвращает нас Космосу, и благодаря этому на нашу голову и, следовательно, на весь нашпринять шарообразную форму (темно-красное); здесь же, вверху, постоянно действует тенденция распрямлять шарообразное в плоское (красное). Этой тенденции препятствует Земля, придающая сферичность, но наверху сферическое всегда стремится стать плоским. Находящееся наверху хотело бы, в сущности, разорвать, разъять Землю здесь, внизу, так, чтобы все в космосе стало бы только плоским.

Если бы это могло осуществиться, то воздействия Земли вообще бы полностью исчезли, и здесь, вверху, образовалась бы преимущественно разновидность воздуха, подверженного

воздействиям звезд. Это весьма сильно выражается в человеке. Что мы, как люди, имеем от того, что здесь, наверху, есть воздух, несущий воздействие Солнца? Мы вдыхаем его, и благодаря тому, что мы в себя вдохнули, солнечное воздействие распространяется вниз, но еще больше вверх. Наша голова постоянно изолируется от воздействия Земли. И благодаря этому наша голова обретает возможность быть причастной ко всему Космосу. Нашей голове всегда, в сущности, хочется вырваться в эту плоскообразность. Если бы именно в зимнее время наша голова находилась только под влиянием земных образований, все наше переживание мысли стало бы другим. Мы бы имели тогда чувство, что все мысли хотят стать круглыми. Они не становятся круглыми, зато они обладают известной легкостью, невесомостью, некоторой текучестью. И это происходит от особенного влияния солнечного воздействия.

Здесь вы имеете вторую тенденцию, здесь солнечное вторгается в земное. Слабее всего это проявляется в зимнее время. Если бы мы поднялись выше, то выступило бы нечто иное. Здесь мы бы имели дело не с солнечным воздействием, а с воздействием звезд, которое, в свою очередь, влияет на нашу голову. Солнце, так сказать, возвращает нас Космосу, и благодаря этому на нашу голову и, следовательно, на весь наш человеческий организм весьма значительно влияют звезды.

То, что я описал вам здесь, сегодня стало иным по причинам, которые я охарактеризую завтра. Ведь человек некоторым образом эмансипировался; в своем росте и всем своем развитии он эмансипировался от земных воздействий. Но, обратившись к древней лемурийской эпохе, особенно к полярной эпохе, которая предшествовала лемурийской, мы обнаружим совершенно иное. Здесь мы обнаружим огромное влияние происходящего на Земле на все формирование человека. Вы это знаете по изложению земной эволюции, которое я давал в моем "Очерке тайноведения". Здесь мы бы обнаружили, что человек целиком и полностью поставлен под воздействие описанного тут мной. Как уже было сказано, его эмансипацию я опишу завтра: сегодня же я буду описывать вещи так, как если бы человек был еще включен в этот процесс формирования. И вот тут нам навстречу

выступает нечто совершенно парадоксальное для нынешнего образа мыслей.

А именно мы можем задать вопрос: кем становится мать, ожидающая появления нового человека? С самого начала приход человека на землю совершался так: после всего, что должно предшествовать появлению нового человека на земле, лунные солеобразующие силы активно влияют на женский организм, поскольку он готовится образовать в себе нового человека. Итак, мы можем сказать: в обыкновенном состоянии женщина - это обычный человек, но в то время, когда она ожидает появления нового человека, в ней становятся в высшей степени мощными лунные силы, поскольку они являются солеобразующими силами Земли. Духовнонаучно это можно выразить так: женщина становится Луной, как и Земля в целом во время, близкое к Рождеству, непосредственно под своей поверхностью становится в основном Луной.

Не только Земля становится Луной в зимнее время, это превращение Земли в Луну происходит неоднократно, оно повторяется в том, как женщина готовится родить нового человека. Благодаря тому что женщина готовится к рождению нового человека, становясь Луной, солнечное воздействие также становится иным, подобно тому как в зимнее время это солнечное воздействие отличается от того, что бывает летом. И новый человек, формирующийся в женщине, целиком и полностью подчинен влиянию солнечного воздействия.

Благодаря тому что женщина так сильно воспринимает воздействие Луны, воспринимает воздействие соли, она становится способной воспринимать воздействие Солнца обособленно. В обычной жизни человеческий организм воспринимает солнечные воздействия сердцем. Они распространяются на весь организм. В тот момент, когда женщина ожидает рождения нового человека, солнечные воздействия концентрируются на образовании этого нового человека. Так что схематически мы можем сказать: женщина становится Луной, чтобы воспринять воздействия Солнца. И новый человек, возникающий как эмбрион, является в этом смысле целиком и полностью солнечным деянием. Он

является тем, кто может возникнуть благодаря концентрации солнечного воздействия.

Это по-своему осознавалось в древних инстинктивно-ясновидческих мировоззрениях. Благодаря им в свое время в древней Европе было распространено весьма замечательное воззрение. Считалось, что только что родившийся и не принимавший еще земной пищи ребенок есть нечто совершенно иное, чем тот же ребенок, принявший первую каплю молока, первую земную пищу. Для упомянутого древнегерманского воззрения это были совершенно различные существа: только что родившийся ребенок и ребенок, который, находясь уже вне тела матери, принял какую-нибудь земную пищу, - два разных существа, потому что для такого различения обладали инстинктивным чувством; рожденное дитя - это Солнце. В результате принятия первой пищи оно становится земным созданием. Оно - создание Солнца и становится созданием Земли. Поэтому только что рожденное дитя, еще не кормленное, не принадлежит Земле. По оккультным законам, о которых мне хотелось бы поговорить в другой раз, древнегерманское правосознание позволяло отцу по своему усмотрению оставить жить ребенка, которого всегда сразу после рождения клали к ногам отца, или уничтожить, убить его, так как он еще не был земным созданием. Но стоило ему выпить каплю молока, отец уже не смел убить его, ребенок должен был оставаться земным созданием, потому что природой, миром, землей и космосом он был определен как земное создание. В подобных обычаях древности изживается нечто весьма значительное. И это обосновано, если говорят: солнечный ребенок. И сейчас мы имеем возможность взглянуть на женщину, родившую ребенка, как на существо, в глубочайшем смысле родственное всем земным процессам, - ведь к середине зимы земля так подготавливает себя, что в ней есть солеобразное, так сказать, лунное, - потому что именно так она лучше всего получает возможность воспринять солнечное. И тогда она возносится над солнечным в небесную сферу, к которой принадлежит также и голова человека.

Поэтому давайте углубимся в существо человека, чтобы правильным образом встало перед нашей душой Рождество. Рождество выражает собой рождение младенца Иисуса,

которому было суждено принять в себя Христа. Постараемся увидеть это правильно. Взглянув на образ Марии, мы заметим, что голова Марии обязательно изображена так, чтобы ее выражение, весь ее облик передавали что-то небесное. Тогда мы заметим, что эта Мария готова воспринять в себя Солнце, младенца, Солнце, сияющее в воздушных сферах. Глядя на образ Марии, ниже головы мы найдем лунно-земное.

Подумайте о том, что на рисунке изобразил я в качестве лунно-земного, - это то, что наливается под поверхностью земли. Если бы мы удалились в космические дали, то изображенное здесь, вверху, - откуда человек излучается в космос, - мы видели бы стремящимся к небу излучением Земли, подобным излучениям звезд. Голова Марии также должна сиять подобно звезде, иначе говоря, в выражении лица, во всех ее жестах мы должны отразить звездное сияние (Доска 2).

Затем у груди должно быть то, что связано с процессом дыхания, - это солнечность, возникающая из облаков, сквозь которые солнечное сияние пробивается в атмосферу, это младенец.

Еще ниже находится то, что зависит от лунного, солеобразующего, то, что внешне выражается в земной подвижности рук и ног, которая позволяет подняться из этого солеобразующего - лунного - начала Земли. Мы имеем Землю, внутренне пронизанную лунным началом.

Мы должны изобразить это так, чтобы передать своего рода красочную радужность. Если бы мы смотрели из космоса на Землю, пронизывая взглядом звездное сияние вплоть до самой Земли, изображение было бы таким: радужно окрашенное мерцание, идущее от поверхности Земли внутрь ее. На нем находилось бы то, что подчиняется прежде всего земной динамике, конечностям, земле, силе тяжести, то, что может быть обозначено как человеческое одеяние, складки которого соответствуют земным силам. Итак, здесь, внизу, мы имели бы одеяние, соответствующее земным силам. Поднимаясь выше, мы должны нарисовать то,

что образуется в лунно-земном. Желая использовать символ, можно было бы нарисовать еще и Луну, однако это лунное уже выражено в земном образе.

Затем мы переходим еще выше, воспринимаем то, что исходит из лунного, видим, как облака пронизываются множеством человеческих голов, стремящихся вниз. Одна из них уплотняется и становится Сыном, младенцем Иисусом, сидящим на руках у Марии. Все это мы должны завершить вверху ликом Марии, в выражении лица Которой запечатлено сияние звезд.

Если мы понимаем зимнее время, понимаем, как оно выявляет связь космоса с человеком, воспринявшим плодоносящие силы Земли, тогда мы не можем изобразить это иначе, нежели в виде женщины, формирующейся, выступая из облаков, одаренной силами Земли, одаренной внизу силами Луны, в середине - солнечными силами, а вверху, в голове, - силами звезд. Из самого космоса возникает для нас этот образ Марии с младенцем Иисусом.

И так же, как понимая космос осенью и облакая в картину все его формирующие силы, мы неизбежно приходим к художественному изображению борьбы Михаила с драконом, которую я обрисовал вчера, так же и все то, что мы можем воспринять в Рождество, облакается в образ Матери Марии с Младенцем. В древнее время, а точнее, в первые столетия христианства, этот образ много раз открывался художникам, и в человеческой эволюции его последние отголоски сохранились в "Сикстинской Мадонне" Рафаэля. Эта "Сикстинская Мадонна" Рафаэля рождена из великого наивного познания природы и духа, познания древних времен. Ведь она является образом той имажинации, которую должен иметь человек, так проникающий внутренним зрением в тайны рождественского тка-ния, что это рождественское ткание претворяется для него в образ. И мы можем сказать: времена года для внутреннего зрения должны изживаться в совершенно определенных, грандиозных имажинациях. Для того, кто всем своим человеческим существом душевно выходит в мир, начало осени становится грандиозной имажинацией борьбы Михаила с драконом. И как дракон может проявиться только в

качестве сульфурного, в качестве серной массы, смыкающейся в образ дракона, как меч Михаила возникает, когда мы думаем о метеоритном железе, концентрируя, смыкая его в этот меч, так же и из того, что можем мы ощутить на Рождество, возникает образ Матери Марии, одежды которой складываются в соответствии с земными силами, причем внутренне одежда должна быть округлой - для живописи эти подробности существенны, - она должна становиться ртутной, так, чтобы около груди имелась внутренне замкнутая область. Здесь выступают силы Солнца. И невинный младенец Иисус, как следует здесь думать, еще не принимавший земную пищу, Он - по сути само создание Солнца, деяние Солнца, сидящее на руках у Марии; выше действуют излучения звезд. Так мы должны изобразить голову Марии с сиянием, распространяющимся навстречу человеку от самой головы и из глаз, так мы должны изобразить младенца Иисуса в прекрасной кротости, как бы замкнутого в сферу внутри облачных образований, а затем должны мы изобразить спускающуюся вниз одежду, подчиненную силам земли, одежду, в которой запечатлена земная тяжесть (Доска 2)

Лучше всего выражать это с помощью красок. Тогда мы имеем ту картину, которая расцветает перед нами как космическая имагинация Рождества, в которой можно жить до самой Пасхи, когда из космических связей перед нами может выступить та пасхальная имагинация, о которой я хочу поговорить завтра.

Таким образом вы видите, что искусство человек берет у неба, хотя оно и связано с землей. Истинное искусство - это то, что человек соперничает физическое, душевное и духовное Вселенной, это то, что облекается для него в грандиозные имагинации. То, что необходимо для того, чтобы во внутренней борьбе достичь господства самосознания над природным сознанием, все это не может предстать перед глазами иначе, как в грандиозной картине борьбы Михаила с драконом. Так же и то, что в середине зимы может воздействовать на его душу из природы, может восприниматься им как художественно-имагинативный образ Матери с Младенцем, как то, что я только что описал.

Наблюдению кругооборота года сопутствует великая космическая живопись, и то, что небо запечатлевает на земле, снова может ожить в мощных картинах, становящихся тогда реальностью для души человека. Так времена года могут предстать в четырех имагинациях: имагинация Михаила, имагинация Марии, а завтра и в ближайших лекциях мы увидим имагинацию Пасхи и имагинацию Иванова дня.

Завтра я попытаюсь найти дорогу от Рождества к Пасхе.

Третья лекция. Дорнах, 7 октября 1923 г.

Продолжим рассмотрение кругооборота года с той точки зрения, как мы начали это вчера и позавчера. Нам должно стать ясным, что в глубинах зимнего времени земляб, в сущности, отъединяется от космоса. В течение зимы земля становится, так сказать, целостной землей, ее земная природа концентрируется. Чтобы выявить противоположность, заметим, что во время середины лета земля отдается космосу, живет с космосом. А промежуточные состояния, весна и осень, всегда согласованы с этими обоими экстремумами. Все это имеет глубочайшее благоприятное значение для всей жизни земли. Разумеется, все, что я буду говорить, относится к той части земной поверхности, где происходит переход от зимы к весне.

Как и в ближайшие дни, мы будем исходить из чисто материального. Рассмотрим сначала значительнейшее для всего существа земли явление - то, что для зимнего времени должно быть принято во внимание как важнейшее, а именно осаждение, солеобразование. Конкретнее - осаждение извести. Стоит вам только выйти отсюда, как со всех сторон будете вы окружены известковыми отложениями Юры; вы можете наблюдать перед собой все то, что я описал вам в начале этого изложения.

Рассмотренная внешне, известь для человека - это и есть известь, и в различные времена для чисто внешнего

наблюдения нет никакой видимой разницы между так называемой зимней известью и весенней известью. Но такое безразличие характерно только для той точки зрения, которую я охарактеризовал как поспешную (буквально - точка зрения блохи. - Прим. пер.). Метаморфозы извести выявляются именно тогда, когда рассмотрение распространяется дальше, в космос. И здесь появляется тонкое различие между зимней и весенней известью, этим важнейшим отложением нашей земной почвы. Зимняя известь является, так сказать, сущностью, удовлетворенной в себе. После многочисленных рассмотрений, которые мы здесь проводили, мы имеем право говорить о таких вещах, как о живущих, одушевленных сущностях, - ведь мы знаем, что душа и дух находятся в основе повсюду. Итак, зимняя известь является некоторым образом в себе удовлетворенной сущностью.

Эта зимняя известь, если углубиться в ее существо интуитивно - "интуитивно" в том значении, как это понятие употреблено в моей книге "Как достигнуть познания высших миров", - пронизана разнообразнейшей духовностью. Это элементарные существа, которые живут в земном. Зимняя известь проникнута духом. Она обладает довольством такого рода, как и человеческая голова, разрешающая важную проблему и радующаяся тому, что она имеет мысли, которые позволили найти решение. И как в интуиции чувствование воспринимается повсюду, так же и во всем объеме земного образования извести в течение зимнего времени воспринимается внутреннее удовлетворение.

Не правда ли, пlying под водой, повсюду воспринимают воду? А если духовно движутся в процессе образования извести, то в зимнее время воспринимают повсюду удовлетворенность, которая изливается во внутренней оживленности, пронизанности этой зимней извести живыми преобразующимися образами, раскрывающимся в имажинациях, живыми преобразующимися образами духовного вида. Но когда дело идет к весне, а именно когда подходит март, известь по своим духовным качествам становится, можно сказать, бесчувственной. Она более не обладает этими духовными качествами, потому что, как мы это знаем из прежних рассмотрений, элементарные существа вследствие своего рода духовно-космического дыхания

направляются в космос. Она становится бесчувственной в своих мыслительно-духовных свойствах. Но удивительно то, что она становится в это время жадной. Она развивает род внутренней жизненности. Все больше и больше тонкая жизнь осуществляется в извести, причем эта жизнь извести становится при приближении весны и лета внутренне тем подвижнее, чем больше произрастают растения.

Конечно, это выявляется не грубо, а тонко, интимно, но это выявляется. Растущие растения отнимают у извести, распределенной в земле, кое-что связанное с водой и кое-что связанное с углекислотой - то, в чем она сама нуждается. Это и обуславливает ее внутренне оживление. Она становится живой. Но вследствие того, что известь внутренне оживляется, она развивает огромные силы, привлекающие ариманические существа. Эти ариманические существа получают, во всяком случае, надежду, когда дело идет к весне. По отношению к природе они обычно не имеют никаких надежд, так как только внутри человека могут они культивировать свое существо. Обычно эти ариманические существа могут действовать в ариманической природе человека. Но ближе к весне весенняя известь производит на них такое впечатление, что они полагают, будто во всей природе им удастся распространить свою драконовскую природу и что они, находя живую весеннюю природу, находя живую весеннюю известь, получают также возможность привлекать из космоса астральность для того, чтобы одушевлять эту живую известь, пронизывать ее душой. Так что, когда подходит март, по-настоящему ясновидящий наблюдатель природы обнаруживает замечательное зрелище: всюду видно, как надежды ариманических существ в имажинациях разыгрываются над землей, мне хотелось бы сказать, подобно духовному ветру, овевающему все, видно, как ариманические существа стараются вызвать сверху как бы дождь астрального. Этот дождь астрального, который они хотят вызвать, если бы смогли это сделать, - а они всеми силами стремятся к этому - в летнее время превратил бы землю, хотя бы частично, насколько она является известью, в одушевленное, живое существо. И каждую весну ариманические существа стремятся к этому - превратить землю в живое, одушевленное существо. Так что, если бы какое-нибудь существо наступило затем, осенью, ногой на землю, земля бы почувствовала от этого боль.

Однако это стремление, эта иллюзия, присущая каждой весной ариманическим существам, каждую весну уничтожается. Конечно, с человеческой точки зрения можно сказать: ариманические существа должны стать достаточно разумными, чтобы отказаться от этой надежды. Но в мире происходит не так, как это представляет себе человек, и это просто факт, что ариманические существа каждую весну снова питают новые надежды превратить землю в живое, одушевленное существо благодаря астральному дождю сверху. И каждый год эти иллюзии рассеиваются.

Но эти иллюзии не безопасны для человека. Человек употребляет в пищу именно те продукты природы, которые произрастают в этой атмосфере надежд и иллюзий, и, в сущности, было бы наивным для человека думать, что он ест хлеб из чистого, смолотого и испеченного зерна. Внутри этого смолотого и испеченного зерна - иллюзии и надежды ариманических существ. Внешне они разрушаются. Но тем больше пробуждается страстное желание ариманических существ достичь своей цели там, где уже есть душа, - в человеке. Так что, в сущности, каждую весну человек подвергается опасности стать жертвой ариманических существ, хотя все это разыгрывается интимно. Действительно, весной человек гораздо больше подвержен в этом отношении воздействиям ариманических сил, чем в остальные времена года.

Нечто другое происходит, если мы направим свой взгляд вверх. Глядя вверх, туда, куда поднимаются элементарные существа земли, где они связываются с облачными образованиями и получают внутреннюю подвижность, которая подчинена планетарной жизни, видят нечто иное. Когда приходит март и внизу ариманические сущности распространяют свое существо, наверху видно нечто иное. Тут элементарные существа поднимаются вверх: то, что внутри земли, как правило, исключительно духовно, нематериально, но то, что изживает себя в материальном, это восходит в те области, где есть испарения, воздух, тепло. И здесь все то, что происходит в двигающихся элементарных существах, пронизывается сверху люциферическими сущностями. Как внизу ариманические сущности питают

свои надежды и развивают свои иллюзии, так вверху развивают свои иллюзии и надежды люциферические существа.

Если мы точно проникнем в природу ариманических существ, мы найдем, что она, в сущности, эфирная. В конечном счете ариманические существа - это существа, низвергнутые Михаилом, и у них нет иной возможности распространить свое господство над землей, кроме как воспользоваться становящейся оживленно-жадной известью. Люциферические существа наверху устремляются и пронизывают то, что восходит наверх, и здесь, в верхних элементах земли, приобретает подвижность. Они пронизывают это. В сущности, эти люциферические существа имеют чисто астральную природу. Они надеются, что благодаря всему тому, что весной начинает стремиться вверх, им удастся пронизать свою астральную природу эфирной природой и поднять эфирную оболочку земли, которая была бы тогда заселена ими самими.

Можно сказать: ариманические существа стремятся одушевить землю астральным (см. Доска 3, красное); люциферические же существа стремятся сверху вниз для того, чтобы в свое существо вобрать эфирное (голубое с желтым).

Когда весной начинают расти растения, они ассимилируют углекислоту, втягивают ее. И эта углекислота есть нечто такое, что благодаря растительному покрову весной действует в более высокой области, чем зимой. Эта углекислота поднимается наверх в область растений. Когда весной начинают расти растения, эта углекислота становится привлекательной для люциферических существ. И в то время как ариманические существа стремятся вызвать своего рода астральный дождь, чтобы одушевить живую известь, люциферические существа стремятся к подъему углекислоты, к своего рода испарению углекислоты вверх от земли (см. Доска 3, голубое). Если бы это им удалось, дыхание на земле должно было бы прекратиться и они стали бы вытягивать наверх все то, что в человеке не связано с дыханием, его эфирное, и, связывая себя с эфирным человеком, они были бы в состоянии стать эфирными

существами, в то время как они только астральные существа. Так с уничтожением всего, что внизу принадлежит человеческому и животному миру, там, наверху, образовалась бы оболочка эфирных ангелических существ. Вот к чему, в свою очередь, стремятся люциферические существа, когда наступает март, конец марта. Они надеются превратить всю землю в такую тонкую оболочку земли, в которой они, сгустившись благодаря эфирной природе человека, смогли бы культивировать свое существо.

Если бы исполнились надежды ариманических существ, все человечество должно было бы постепенно раствориться в земле. Земля стала бы вбирать в себя людей. И наконец - это является также намерением Аримана - вся земля превратилась бы в огромное существо, в котором неким образом были бы растворены все люди. Они были бы связаны с этим единым существом земли. Но переход к такому бытию, связанности с этим существом земли, состоял бы в том, что человек во всем своем организме все более и более уподоблялся бы оживленной извести. Ожившую известь он все сильнее связывал бы со своим организмом, все более обызвествлялся. Вследствие этого его образ стал бы метаморфизироваться, превращаться в образ, который выглядел бы совершенно иначе, приблизительно так: склеротизированный образ с подобием крыльев летучей мыши и вот такой головой (Доска 4). Тогда он был бы в состоянии постепенно растворяться в земном, так что земное, как земля в целом, стало бы земно-живым существом ариманического рода.

Если бы, с другой стороны, люциферические сущности извлекли эфирное человека и благодаря этому смогли бы из своей астральности сгуститься до эфирного, тогда возникло бы нечто эфирное, не имеющее нижней части человеческого организма и с измененными верхними частями: это было бы тело, образованное из испарений земли (см. Доска 4, голубое), построенное только до груди и имеющее идеальную, увеличенную человеческую голову (красное). Причем это существо имело бы крылья, как бы рождающиеся из облаков (желтое). Эти крылья сходились бы впереди к своего рода увеличенной гортани, они стали бы вот здесь, сбоку, уплотняться в ушные раковины - в органы слуха, в свою очередь связанные с гортанью.

Вы видите, как здесь, внизу, образуется то, что я попытался изобразить в образе Аримана, который нарисован вверху на куполе и находится в деревянной скульптурной группе; также видите и то, что сложились бы в люциферический образ, (Имеется в виду изображенный на куполе Гетеанума и запечатленный в деревянной скульптурной группе образ Христа - в центре, - одерживающего победу над образами Аримана - внизу, и Люцифера - вверху. - Прим. пер.) что образовалось бы в люциферическом из испарений земли и облаков, если бы люциферические сущности смогли вобрать эфирное земли.

И тут указаны два полюса для человека: один из них - тот, чем стал бы человек, если бы, попав под влияние Аримана, стал впитывать живую известь и благодаря этому постепенно стал единым с землей, растворился во всем живом и чувствующем существе Земли, - это один полюс. Другой полюс - это то, чем стал бы человек, если бы люциферическим существам удалось выполнить то, что они хотят, - вызвать снизу подъем испарений углекислоты, так что дыхание должно было бы исчезнуть, и тогда исчез бы человек как физическое существо, причем эфирное тело было бы связано с тем, что находится там, наверху, с люциферическими астральными ангельскими существами.

Снова можно сказать: это надежды, это иллюзии люциферических существ. Кто ясновидяще направит свой взор в мировые дали, тот увидит в тянущихся облаках не только то, что, как это говорится в шекспировской трагедии, "то верблюд, то еще что-нибудь", но и, если подходит март, динамически устремляющиеся силы люциферических ангелов, желающих создать там люциферическую оболочку земного и оторвать человеческий род от земли. Между этими полюсами парит человек. И ариманические, и люциферические существа хотят искоренить человечество в том виде, каким оно является сейчас.

Эти различные воздействия проявляются в земной жизни. И снова внешняя природа разрушает каждый год то, на что надеются люциферические существа, но в человеке это

действует. И весной человек подвержен, с одной стороны, ариманическим силам, а с другой стороны, все более и более подвержен - это остается и летом - люциферическим существам.

Для человеческого существа, каким оно является сейчас, дело обстоит таким образом: в жизни человека это выявляется весьма интимно, и заметить это может только тот, кто обладает натурой, чувствительной к духовному, кто действительно может сопереживать то, что происходит в космосе в кругообороте года. Но для более ранних времен, даже еще и для послеатлантического времени, это имело большое значение. В более ранние времена земного развития размножение людей, например, было связано с годовым кругооборотом. Зачатие могло произойти только весной, каждой весной, когда действовали силы, которые я только что описывал, а рождение тогда могло происходить только в конце года. Тогда еще жизнь Земли была в хорошем смысле связана с жизнью человека.

Принцип люциферических существ - освободить все на Земле, и среди прочих земных, более чувственных реальностей, которые были освобождены люциферическими существами, находится также эмансипация зачатия и рождения. То, что человек может родиться в любое время года, было достигнуто в более ранние времена благодаря воздействию люциферических сил, отрывающих человека от земли. Рождаться в любое время года - это, так сказать, относится к свободе человеческого рода. Но внутри здесь действительно люциферические силы. В следующий раз я хочу поговорить о влияниях, которые еще и сегодня ценны. Вышеохарактеризованные влияния мне хотелось описать вам для того, чтобы вы видели, как в более ранние времена все же до известной степени выполнилось то, к чему стремились люциферические существа, - это проявляется сейчас как возможность для человека рождаться в любое время года. Ибо в противном случае человек мог бы рождаться только в зимнее время.

Ариманические силы, напротив, используют все свое могущество, чтобы соединить человека с землей. И так как в более ранние времена наблюдалось огромное влияние

люциферических существ, аримани-ческие существа получили возможность, по меньшей мере параллельно, достичь частично того, что они хотели, то есть связать людей с землей; при этом они хотели сплавить с земным присущий им образ мыслей, присущее им понимание. Они хотели при любых условиях сделать из человека материалиста, они хотели, чтобы человек, собственно, не был способен ни к чему иному, кроме того, что как силу мышления и силу чувства производит перевариваемая в нем пища. И это влияние ариманических существ в нашу эпоху сделалось особенно сильным и постоянно усиливается.

Возвращаясь назад во времени, мы приходим к тому, чего достигли однажды люциферические существа, что они оставили после себя. Обращаясь к перспективе, ведущей к концу земли, мы встречаемся с угрозой для человека: ариманические существа, даже если они и не смогут растворить человека в земле, приведут, по меньшей мере, к тому, что он станет застывшим, косным, слишком материализованным, не сможет больше ничего мыслить, ничего чувствовать, только то, что автоматически мыслит и чувствует в нем вещество.

Люциферические существа оказывали свое, сказал бы я, естественно-освобождающее (Имеется в виду эмансипация зачатия и рождения от времени года. - Прим. пер.) воздействию описанные мной вещи тогда, когда человек еще не был свободен. Свобода не возникает благодаря решению человека или каким-нибудь абстрактным образом, как это принято теперь писать, но возникает благодаря тому, что такие природные процессы, как распределение рождений, становятся свободными в человеческой жизни. Из этих природных процессов тогда возникает господство свободы. Уже в древности очень хорошо воспринимали то, что человек на земле может в любое время производить своих потомков, что тогда они душевно и духовно пронизывались чувством свободы. Вот как обстоит дело. Это чувство связано с космосом гораздо больше, чем обычно думают.

Но сейчас, когда человек подвинут в свободе, он должен под влиянием этой свободы искоренить в мире угрозу того,

что Ариман прикует его к земному. Эта угроза стоит перед человеком как перспектива будущего. И здесь мы встречаемся с тем, что объективно произошло в земном развитии: с Мистерией Голгофы.

Мистерия Голгофы произошла не только как единичное событие. Можно было бы представлять это как единичное событие в происходящем на земле, однако для человека это событие, эта Мистерия Голгофы, ежегодно обновляется. Кто развивает ощущение того, как наверху люциферические существа хотят удушить физического человека в испарении углекислоты, как снизу ариманическое хочет благодаря астральному дождю оживить землю в ее известковых массах, чтобы человек, сначала склеротизируясь, растворился в ней, кто прозревает это, для того между люциферическим и ариманическим возникает образ Христа, образ освобожденного от материи Христа, у ног Которого - Ариман, Христа, вырвавшегося из ариманического, не подчиняющегося ариманическо-му, преодолевшего ариманическое, как Он художественно и пластически изображен здесь. Видят Христа, как Он по другую сторону преодолевает то, что, действуя сверху, хочет оторвать человека от земли. Появляется голова того образа, который побеждает Аримана, появляется голова Христа с такими чертами, взглядом и выражением лица, которые отвоеваны у стремящихся ускользнуть сил Люцифера. Вовлекающим люциферические силы в земное, впрягающим их в земное предстает образ Христа, появляющийся весной каждого года. Мы должны представлять Его так: Стоящий на земном, которое становится ариманическим, Победивший смерть, Воскресающий из могилы и, наконец, Воскресший, просветленно Преобразившийся. Это просветление возникает здесь от привнесения люциферического элемента в земную красоту Христова лика.

Вот так между ариманическим и люциферическим является перед оком в своем воскресшем подвижном образе Христос, является как пасхальная имагинация, явление Пасхи, которое возникает перед человеком так: Воскресший Христос, сверху овеваемый люциферическими силами, а внизу имеющий в основании ариманические силы.

Эта мировая имагинация является Пасхальной имагинацией, подобно тому как Дева с Младенцем выступает в кругообороте года в качестве Рождественской имагинации, имагинации середины зимы, а имагинация Михаила, которую я описывал вам позавчера, выступает как имагинация конца сентября. Наряду с этим вы видите, насколько правомерно было сформировать образ Христа именно так, как сформирован Он у нас, - ведь этот образ рождается из космического становления в кругообороте года. В этом нет ничего произвольного. Именно этот взгляд, именно это выражение лица, именно так очерченные складки одежды необходимо помыслить себе, чтобы между образом Аримана и образом Люцифера возник образ Христа; возник как то, что в процессе земного развития должно действовать в человеке, чтобы именно тогда, когда человек наиболее подвержен действию ари-манических и люциферических сил, - в пасхальное, весеннее время - вырвать человека у этих сил.

Все названное мы видим именно в этом образе Христа: этот образ не может быть выполнен произвольно, в том смысле, как это любят теперь в искусстве. Именно тогда, когда человек хочет развить полную свободу в искусстве, он не сковывает себя рабски-ари-маническим мериллом и моделью, он свободно поднимается на вершины духа и свободно творит из этих духовных высот то, что необходимо творить свободно - ведь только в духовных высотах может царить свобода.

Тогда из фиолетово-голубых воздушных образований он создает своего рода грудь Люцифера, из выступающих вперед красноватых облачных образований он создает крылья, гортань и уши: ведь эти образующиеся из облаков крылья-гортань-уши раскрываются ему в полной реальности как отображение того, чем астрально является это существо вовне, того, что оно грозит стать эфирным (смотрите здесь и следующий рисунок - Доску 4).

Если вы однажды живо представите себе эти крылья Люцифера, действующие в астральном и стремящиеся к эфирному, вам станет ясно, что эти крылья, способные осязать, осязая в мировых далях, действуя в мировых далях, ощущают все тайны космических сил. Люциферическому

свойственно перемещаться повсюду, совершать круговое движение в волнах, так что его крылья, имеющие волнообразную форму, осязают все, что существует в космосе в качестве исполненных таинственности, духовных, спиритуальных волновых деяний. И все это, осязаемое в поименованных волнах, благодаря органам слуха проникает вовнутрь люциферического существа, продолжается там. Благодаря своим органам слуха люциферическое существо постигают то, что осязают они своими крыльями, а благодаря связанной со всем этим гортани оно становится творческим словом, пребывающим и живущим в формах живого.

Итак, если вы рассмотрите такое люциферическое существо с его желто-красным органом, совмещающим крылья, уши и гортань, вы увидите, что оно действует во Вселенной как осязающее тайны Вселенной благодаря своим крыльям; как оживляющее эти тайны Вселенной благодаря слуховым органам, действие которых направлено вовнутрь, и как выговаривающее эти тайны Вселенной в творческом слове благодаря гортани, связанной в органическое целое с крыльями и ушами.

Так был Люцифер изображен вверху, в куполе, так будет он пластически изображен в скульптурной группе, которая должна стать центральным пунктом нашего Гетеанума. Таким образом, Пасхальное таинство должно стать центром Гетеанума.

Но для более целостного охвата в некоторых формах необходимо кое-что добавить. Ведь все, что смотрится здесь как грозящее люциферическое и грозящее ариманическое, все это - внутреннее существо сил природы; это то, куда направлены тенденции сил природы от весны до лета, это то, чему оздоравливающе противопоставляет себя целительный принцип, излучающийся от Христа. Но живое ощущение всего этого будет достигнуто в том случае, если после того, как целое стало архитектурой и скульптурой, после того, как все, что я описывал, облеклось в архитектурные и пластические формы, к этому в будущем присоединится также возможность разыгрывать перед этой скульптурой во время Пасхи живую драматическую постановку, живую драму, в которой должны участвовать два главных

действующих лица: человек и Рафаил. Именно внутри этой пластинки, внутри этих архитектурных форм должна разыгрываться своего рода мистериальная постановка с двумя главными действующими лицами - человеком и Рафаилом: Рафаил должен быть с жезлом Меркурия и со всем тем, что связано с жезлом Меркурия. Живое искусство требовательно, и, в сущности, не может быть ни скульптуры, ни архитектуры, которые - если они в своем внутреннем представляют собой космическую истину - не требовали бы, чтобы в пространстве, занимаемом этой скульптурой и архитектурой, происходило нечто художественное. И во время Пасхи для этой архитектуры, для этой скульптуры необходимо мистериальное представление: человек, которого учит Рафаил. И в то время как ариманические и люциферические силы делают человека больным, силы Рафаила могут привести его к познанию, к прозрению исцеляющего принципа, великой мировой терапии, которая живет в принципе Христа. И если бы все это удалось сделать - а ведь для всего этого и предназначен Гетеанум, - тогда, например, кроме многого другого, осуществилось бы вот что: во время Пасхи было бы некоторым образом возвышено все, что может влиться в человека из ариманических и люциферических тайн.

Ведь, учась познавать ариманическое, как действует оно во время весны в оживляющейся извести, жадно стремясь вобрать в себя космическую астральность, учатся познавать целебные силы во всем солеобразном. Эти нюансы не выражаются в грубых воздействиях, зато они выражаются в целительных воздействиях. Изучая, например, целительные воздействия всех соле-отложений, можно изучать жизнь и ткань ариманического в солеотложениях. Ибо то, что ариманизируется в одно время года - более подробно мы рассмотрим это в следующий раз, - в другое время года становится целительной силой, и, познавая то, что таинственно совершается в продуктах и существах природы, учатся познавать их терапевтические силы. Точно так же дело обстоит и с люциферическим. Учатся познавать то, что как целебная сила действует в испаряющемся веществе, устремляющемся наверх в своих испарениях, то, что действует в углекислоте. Ведь как я уже говорил вам, во всей воде есть меркурическое, ртутное, и точно так же во всем, что является углекислотой, есть серное, фосфорическое.

Нет такой углекислоты, которая, как это говорят химики, состоит только из одного атома углерода и двух атомов кислорода. Во всем, что мы сами выделяем в процессе дыхания как углекислоту, живет фосфорическое, серное. Эта углекислота CO₂, один атом углерода и два атома кислорода, - всего лишь абстракция, нечто возникающее в человеке как рассудочный образ. В действительности же мы не найдем такой углекислоты, которая не содержала бы в себе, если можно так выразиться, чрезвычайно утонченного фосфорического, серного. И это фосфорическое, серное, стремящееся наверх в своих испарениях, привлекает люциферические существа. И с другой стороны, в этом странном соотношении, существующем между астрализирующимся серным и оживляющейся известью, выражаются силы, в которых мы можем познать целительные воздействия.

Помимо всего прочего, связанного с пасхальной тайной, эта мистериальная пасхальная игра - именно благодаря тому, что она присоединяется к скульптуре и живописи, что она происходит в них, - могла стать завершением того, что в течение года оказывало бы на слушателей целительное воздействие, что, возможно, сделалось бы из-за этого непосредственно живым, художественно-религиозным. Это действительно увенчало бы все дело, войдя в весь космический ход, войдя в кругооборот года, оно внесло бы в пасхальный культ нечто такое, что может быть выражено в следующих словах: Спаситель мира станет доступен чувству, Тот, Кто как Спаситель хочет избавить землю от великого зла, Он будет почувствован. Ибо Он, как я часто это описывал, был поистине великим терапевтом человеческого развития. Переживут, почувствуют, что всей мудростью, касающейся исцеления, обязаны Ему. Это проникнет в пасхальное таинство, в пасхальный культ, если последний будет осуществляться и отправляться так, чтобы совершенно естественным образом включаться в годовой кругооборот.

Говоря о мощной имажинации, предстающей перед человеком в Михайлов день и на Рождество, я смог продемонстрировать вам сначала только образы - здесь мы еще подойдем к остальному. Но говоря о том, что

изображается как имагинация Пасхального таинства, где по отношению к так называемым природным духовным воздействиям выступает высшая духовная жизнь, которая может развиваться в окружении Христа, говоря об этом, я смог передать вам, как непосредственно в земном это можно привести к культу, как можно воспринять все, что требует на земле заботы и охраны: оздоравливающие, целительные силы и познание того, что может разрушать человеческий организм, что может разрушать ариманически и что может разрушать люциферически. Ариман делает человека окостеневшим, Люцифер, используя дыхание, хочет разложить, испарить человека. Во всем этом заложены силы болезни, болезнетворные силы.

Все, что я хотел сказать, находится под воздействием великого мастера-учителя Рафаила, который, собственно, в христианской терминологии является Меркурием, который, по христианской традиции, должен носить жезл Меркурия; все, чему можно в этой области научиться у великого мастера-учителя Рафаила, все это будет только тогда достойно увенчано, если войдет как таинство в пасхальный культ, который может охватить еще многое, о чем я вам расскажу в следующем рассмотрении.

Четвертая лекция. Дорнах, 12 октября, 1923 г.

Переходя от рассмотрения пасхального времени, времени весеннего праздника, которое мы здесь провели в последний раз, к летнему времени, мы будем вынуждены провести такое рассмотрение гораздо более духовным образом, чем для предшествующих времен года. Это может показаться противоречивым, но противоречия здесь нет. По отношению к Рождеству мы должны были исходить из того, что земная горная порода, известь, постоянно изменяется - мы это проследили вплоть до Пасхи. Вообще мы проводили наше рассмотрение так, что прежде всего принимали во внимание господство духовного в материальном. К летнему времени, к вершине летнего времени человек вовлекается в природное бытие. К лету бытие природы становится все более подвижным, внутренне более насыщенным, и сам человек

всем своим существом окунается в это бытие природы. Можно сказать так: в вершине летнего времени человек переживает своего рода природное сознание. В течение весны он становится, если обладает для этого чувством и ощущением, единым со всем произрастающим, всходящим, пускающим побеги. Он цветет вместе с цветком, прорастает вместе с растением, плодоносит вместе с ним, он участвует во всем том, что существует и живет вокруг. Благодаря этому он распространяет свое бытие над бытием природы, так возникает род природного сознания. А затем, когда природа, умирая осенью, несет в себе смерть, человек, сопереживающий природе осенью, к Михайлову дню тоже должен пережить в себе смерть; однако его "я" не должно принимать участия в этом. Оно должно возвыситься над смертью. Вместо этого природного сознания должно наступить укрепленное, усиленное "я"-сознание.

Но в летнюю пору именно природное сознание является наивысшим в человеке, и это так необходимо Вселенной, что эта Вселенная несет духовное навстречу человеку, если только он этого хочет. Так что мы, собственно, можем сказать: человек погружен в природу в течение лета. Но если он обладает для этого правильным ощущением, правильным чувством, тогда из ткущей природы навстречу ему приходит объективная духовность. Поэтому к Иванову дню надо для собственно человеческого искать внешнюю, объективную духовность. А она имеется в природном бытии повсюду. Только внешне является природа растущим, пускающим побеги и, можно сказать, спящим существом, которое именно в силах сна черпает мощь растительного роста, образующую вид сонного природного бытия. Но в этой спящей природе человеку, имеющему для этого чувство, раскрывается духовное, ткущее и живущее в природе повсюду.

Дело обстоит так, что, если мы с духовной углубленностью в душе видящим взором последуем за природным бытием в разгаре лета, взгляд наш опустится в самые глубины земли. Мы обнаружим, что горные породы сильнее, чем в иное время года, несут нам навстречу свое внутреннее кристаллообразование. Созерцание имагинативным взором глубин земли к Иванову дню производит, в сущности, такое впечатление: здесь, внизу, нечто живет и ткет в кристаллических формах, в которых застывает твердое

земное царство, обретающих свою красоту именно в разгар лета. Здесь, внизу, к середине лета все образуется из линий, углов и поверхностей. И если мы хотим иметь общее впечатление, тогда это и будет в-себе-затвердевающее бытие земной кристаллической природы, подобное темно-синей ткани.

И хотя такой рисунок, конечно, может быть отрывочным и имажинативным, я постараюсь зафиксировать для вас всю ситуацию на доске (Доска 5.). Итак, можно было бы сказать: если опустить взгляд вниз, то получаешь впечатление линий, но над ними разливается во все стороны синева: эта синева распространяется повсюду от этих отливающих серебром линий; так что здесь внутри повсюду в синеватом есть нечто поблескивающее серебром, кристаллизирующее (белое). Земная природа как бы хочет свои формообразующие силы вынести нам навстречу в чудесной пластике, однако в такой пластике, которую нельзя увидеть, как видят обычно глазами: чувствуешь себя погруженным в эту пластику природы, каждую линию, отливающую серебром, чувствуешь в себе. По отношению к форме чувствуешь себя человеком, выросшим из синих подоснов земной почвы, внутренне пронизанных силами, идущими от сияющих серебром кристаллических линий. Все это чувствуешь как свое собственное существо. Но обращаешь к себе и спрашиваешь себя: как же действуют эти серебристые линии кристаллов, эти кристалльные волны во мне самом? Что же это такое, что живет и ткет в земле, живет и ткет, серебрясь в синеве? И узнаешь: это космическая воля. Вот как обстоит дело, когда глядишь в них. А что, если взглянуть вверх?

Взглянув вверх, получают впечатление распространяющегося космического разума. В человеке на современной ступени, как я это часто описывал, разум пока что немного стоит. Но в разгар лета, в высотах, появляется чувство, что повсюду ткущий разум, но ткущий разум не отдельных существ, а существ многих, живущих друг в друге и друг с другом. Так что наверху мы имеем распространяющийся, ткущий разум, посредством которого свет оживляется; итак, мы имеем пронзительно сияющий, ткущий и живой разум (желтое) как противоположность воле. Если внизу имеют такое чувство: "здесь синий сумрак, здесь надо переживать все только как силы", то вверху имеют

чувство: "здесь, собственно, все таково, что оно, будучи воспринятым, просвещает, пронизывает чувством разума".

Вот внутри этого сияющего тканья - я не могу это выразить иначе - появляется образ. Для осеннего времени я должен был указать вам на Михаила как на сущностный образ, вытканый природой, предстающий перед нашей душой. Мы еще поговорим о том, каким образом соотносится с Рождеством древнее имя Гавриил. В последний раз я показал вам образ Рафаила, предстающий во время весны на Пасху. В последний раз именно он, Рафаил, выступал перед нами как драматический посредник, приносящий нам необходимое молитвенное настроение, преклонение перед Пасхой, перед Пасхальной космической имагинацией. Теперь же, к Иванову дню, перед нами появляется, если я опишу это антропоморфно, - ведь все это, естественно, описывается лишь приблизительно, - очень серьезное лицо, строгий Лик, вздымающийся как нечто тепло светящееся из всеобщего святящегося разума (красная голова в желтом, Доска 5).

Создается такое впечатление, что этот образ строит свою световую телесность из этого светящегося разума. А для того чтобы этот образ в разгар лета смог построить свою световую телесность, должно наступить то, что я описывал вам: элементарные духи земного существа должны подняться. Поднимаясь, они сопрягаются наверху с сияющим разумом. Этот сияющий разум они принимают в себя. А из того, что блестит и сверкает здесь в светящемся разуме, воплощается внутри этого образа - образа, который предощущался также и силой древнего инстинктивного ясновидения и который мы можем называть тем же именем, каким называли его и прежде. Итак, мы можем сказать: во время лета в сияющем разуме является Уриил.

Осень: Михаил

Зима: Гавриил

Весна: Рафаил

Лето: Уриил

Строг и серьезен тот, кто здесь, ища свою телесность в световой ткани, выступает как представитель космических ткущих сил во время лета. Мы можем наблюдать это и дальше; наблюдать как совершающиеся в свете деяния Уриила - Уриила, чей собственный разум составляется, в сущности, из взаимных сил планет нашей планетной системы и охраняется благодаря воздействию неподвижных звезд Зодиака, Уриила, который в своем собственном мышлении охраняет мировое мышление. Непосредственное чувство при этом таково: вы становитесь сияющими разумными летними облаками; в них, наверху, отражаются синеющие кристаллические образования земной почвы, находящиеся внизу, в то время как внизу в синих кристаллических образованиях земной почвы отражаются сияющие разумные облачные образования; эти сияющие облачные образования - вы сами, и в вас появляется в разгар лета строгий лик мирового Разума.

Деяния же этого воплощенного мирового Разума, этого воплощенного космического Интеллекта ткуются в свете. Они состоят в том, что благодаря силам притяжения, лежащим в этом концентрированном мировом Интеллекте Уриила, туда, наверх, проникают силы серебра (см. Доска 5, белое), в том, что в свете этот Интеллект, также и внутренне сияющий, становится видимым с земли, он проявляется как распространяющийся солнечный свет - свет, уплотнившийся до золотого блеска. При этом возникает непосредственное чувство: нечто серебристое, струящееся снизу вверх, воспринимается тем, что живет и ткет здесь, вверху, будучи пронизано солнечным светом, серебро земли становится - это вполне правильное выражение, которое я использую сейчас, - космически-алхимически превращается вверху в космическое золото, которое здесь, наверху, ткет и живет. Происходит постоянное искрящееся выбрасывание серебряного блеска вверх, и наверху - постоянное превращение серебряного блеска в золотой.

А затем, проследив все это дальше, вплоть до августа, получают впечатление завершенного образа Михаила, как я описывал его вам. Я описывал вам из чего появляется меч

Михаила, из чего ткёт свою жизнь дракон. Но возникает вопрос во всей этой сияющей красоте, духовно являющейся в разгар лета из ткущего космического начала: откуда получает Михаил, ведущий к Михайлову дню, к осеннему времени, откуда получает Михаил свою особенную одежду, ту одежду, которая то сверкает в золоте Солнца, то блестит изнутри как бы в серебристом луче, вспыхивающем внутри золотых складок, откуда же это сотканное золотом, серебрящееся одеяние Михаила? Это то, что здесь, наверху, образуется благодаря излучающемуся вверх серебру, благодаря текущему поверх излучающегося серебра золоту, в которое превращается это от земли излучающееся серебристое сияние благодаря силе действия Солнца. И по отношению к осени мы постепенно видим, как серебро земли отдается космосу, а золото возвращается обратно, и в этих силах превращенного в золото серебра находится то, что затем, во время зимы, входит в землю: золото Солнца, образовавшееся в высотах в середине лета во время господства Уриила, втягивается в глубины земли, духовно проплывает и волнует повсюду глубины земли, оживляет там то, что в течение зимы ищет жизни для следующего года.

Итак, вы видите, что, рассматривая период прорастающей, всходящей жизни, мы теперь не можем говорить по отношению к земле о материи, повсюду протканной духом, что бывает зимой, но мы должны говорить о духе, повсюду протканном материей, а именно серебром и золотом. Конечно, вы не должны представлять себе все это грубо, вы должны представлять себе действия золота и серебра в утонченном состоянии.

Если кто-нибудь воспринимает это, то выглядит все это так, как будто все это своего рода таинство есть космическое деяние света, световое деяние Уриила. Ибо можешь ясно представить этот образ Уриила. Ощущаешь отчетливо его взгляд. Получаешь глубочайшее, страстное стремление понять этот многозначительный взгляд, направленный вниз. Получаешь впечатление, что надо найти, что же означает этот взгляд. И только тогда удастся проникнуть в то, что означает этот взгляд, когда человек самостоятельно научается прозревать духовно еще глубже, прозревать синеющие, серебрящиеся глубины летней земной почвы. Здесь ткуются образования, стремящиеся помешать; они то

раздвигаются вокруг этих серебрищихся кристаллических лучей, то слипаются вместе.

При таком взгляде обнаруживается, что это человеческие ошибки (вид их различен для каждого человека), ошибки, которые здесь, внизу, контрастно выделяются на фоне правильных упорядоченных природных кристаллических образований. Вот на этот-то контраст между природной кристалльностью, во всей ее правильной красоте и человеческими ошибками, натканными поверх нее, и направлен строгий взгляд Уриила. К осени здесь становится видно, насколько еще несовершенен род людской по сравнению с упорядоченностью строящихся кристаллических образований. Тут под строгим взглядом Уриила чувствуют: моральное и природное сотканы здесь вместе. Здесь моральный миропорядок выступает не только как абстрактный импульс в нас самих; если обычно мы, рассматривая природное бытие, не спрашиваем: живет ли моральное в росте растений? живет ли моральное в кристаллизации? - то теперь-то мы видим, как естественно сотканы в середине лета человеческие ошибки и упорядоченная, последовательная в себе, застывающая в себе природная кристаллизация.

И с другой стороны, человеческая добродетель, человеческая основательность, восходит наверх вместе с серебрищимися линиями и проявляется в виде облаков, окутывающих Уриила (красное), в сияющем разуме выступает человеческая добродетель, она выступает в форме художественных произведений - в облачных скульптурах.

Можно всматриваться не только в серьезнейшие, становящиеся строгими при взгляде в земные глубины глаза лика Уриила, но можно также вглядываться в то, что, хотелось бы мне сказать, является серьезнейшим предостережением - это крылообразные руки или рукообразные крылья, действующие как жест Уриила, что подводит человеческий род к тому, что я мог бы назвать исторической совестью. Здесь, в середине лета, является историческая совесть, которая особенно в современности развита крайне слабо. Это является предостерегающим жестом Уриила.

Естественно, вы должны представлять себе все это как имагинацию. Эти вещи вполне реальны, но я, конечно, не могу говорить об этих вещах так, как говорит физик о положительном и отрицательном, об энергетическом потенциале и так далее. Я должен говорить вам, используя такие картины, которые живут. Но то, что выражается в этих новых картинах, - это действительность, все это есть.

Когда же получают впечатление о связи, существующей, с одной стороны, между моральностью человека и кристаллическими формами, находящимися внизу, и, с другой стороны, человеческими добродетелями, сияющими во всей красоте наверху, когда делают эту связь человека своим внутренним переживанием, тогда-то и появляется имагинация Иванова дня. То, что есть имагинация Иванова дня, появляется здесь так же, как и описанная мной имагинация Михайлова дня, как Рождественская имагинация, Пасхальная имагинация.

Как своего рода завершение появляется тогда такая картина, предстающая наблюдающему духовному оку: вверху - голубь (белое), освещенный силой глаз Уриила. Слагается в образ и то, что находится внизу как серебрящаяся синева, то, что отображает глубины земли, связанные с человеческой беспорядочностью и ошибками, это слагается в образ Матери-Земли (синее), неважно, назовете ли вы ее Деметрой или Марией. Так что, направив взгляд вниз, делают, в сущности, не что иное, как объединяют, пользуясь имагинацией, все тайны глубин в то, что является вещественной Матерью всего бытия; концентрируясь же вверху, в текущем образе воспринимают все, что является Духом-Отцом всего окружающего нас бытия.

Затем видят результат совместного деяния Духа-Отца и вещественной Матери (Stoffmutter), то, что так прекрасно сочетает в себе звучание действия серебра Земли и действия небесного золота: сын между Отцом и Матерью (см. Доска 5). Так в этой имагинации выступает Троица, Которая, собственно, и есть имагинация Иванова дня. И в основе здесь творящий, провидящий, предостерегающий Уриил.

То, чем является Троица, не должно представлять перед душой чисто догматически. Тем самым создается впечатление, что идея Троицы, такой образ Троицы оторван от деяний и жизни Космоса. Это не так. Троица становится откровением, выявляется в середине лета из космических деяний, из космического тканья и космической жизни. Она выступает во внутренне убеждающей силе, если только удастся серьезно проникнуть в Мистерии Уриила.

Иванов день - если мы хотим поставить его перед нашей душой - должен выявить на заднем плане как бы дугообразные кулисы, сводчатую арку с Уриилом, действующим, как я уже описал вам. И на этом фоне должна как бы выделяться - необходим совершенно особый способ, чтобы изобразить это, - имагинация Троицы; она отделяется как живая, в тот же момент устремляющаяся наверх живописная картина. С помощью искусного применения дымящихся веществ и т. п. можно было бы достичь такого эффекта; отделяющаяся от фона имагинация Троицы. Это обязано вызываться к Иванову дню, если перед человеком должны предстать его истинные имагинации. На Пасху мы завершали все эти вещи, используя драматическое, входя в драматическое, так что в центре мистериальной драмы, которая должна была разыгрываться, мы имели обучающего Рафаила и человека, вводимого в тайны священной природы, в тайны священного Космоса; так же и здесь то, что мы созерцаем к Иванову дню, то, что можно видеть в ткущейся образности, должно транспонироваться в грандиозную музыку. В ней должны нам сами себя высказать мировые тайны, переживаемые человеком к Иванову дню.

Тут следовало бы подумать над тем, как все, что я описал вам, могло бы в соответствующей художественной форме найти свое выражение в изобразительном искусстве. Однако то, что ощущается и чувствуется в изобразительном искусстве, должно воспринять жизнь от тех ткущих звуков, которые воплощают некий поэтический мотив - мотив, который вживается в нашу душу и пронизывает ее своей тканью, и мы своим чувством проникаем в этого действующего в свете, созидającego в свете Уриила, который вызывает в нас могущественное впечатление Троицы.

И вот здесь надо было бы музыкально транспонировать то, что, серебрясь, излучается снизу вверх, что вверху проявляется в формообразующей красоте действия света, транспонировать именно к Иванову дню с соответствующей оркестровой инструментровкой так, чтобы человек в этой звуковой ткани обрел свое собственное сопереживание себя с Космосом. Это должно было бы прозвучать изнутри, так как в этих ткущих звуках в Иванов день воплощается тайна события - совместного бытия человека с Космосом. Все это должно быть внутри. Человек должен был бы, глядя вверх, видеть ткущее по всему миру золото и красный, жаркий образ Уриила, возникающий из золота, излучающегося подобно свету, - это не застывший образ, все это - непосредственная жизнь; человек должен был бы видеть взор, направленный на землю, как я описал, взор Уриила, его предостерегающий жест. Это как единая мелодия. В этой единой мелодии, звучащей в высотах, человек, с одной стороны, чувствует себя связанным с сияющим космическим Интеллектом. С другой стороны, внизу, он чувствует себя связанным с тем, что стремится стать застытым образованием, что, погруженное в синий мрак, излучается из серебряного. Здесь, внутри, он чувствует то, что является материальной основой живущего и ткущего бытия Духа. Мистерией становятся Высоты, Мистерией становятся Глубины, и человек становится для самого себя Мистерией в Мистерии Космоса. Вплоть до костей своего скелета чувствует человек кристаллообразующие силы. Но он чувствует также, что кристаллообразующие силы, проникающие в него вплоть до костей скелета, объединяются в мировом союзе с живущими здесь, наверху, в высотах силами света. Человек чувствует, как все, что благодаря моральным деяниям человеческого рода свершается в этих мистериях, происходящих вверху, живет и ткет в мистериях, происходящих внизу и в их союзе. Человек не чувствует себя больше отделенным от мира, человек чувствует себя самого включенным в мир; вверху человек чувствует себя связанным с сияющим Интеллектом, в котором он, как в мировом лоне, изживает свои собственные лучшие мысли; внизу человек чувствует себя, вплоть до костей своих, связанным с мировыми силами кристаллизации, и то и другое снова связывается друг с другом; его смерть связана с духовной жизнью Вселенной, духовная жизнь Вселенной стремится в

земной смерти пробудить и создать кристаллические силы и серебрящуюся жизнь.

Все это должно было бы разыгрываться тонически, в звуках, что на крыльях своих несут переживаемую человеком мелодию. Эта мелодия здесь. Этот мотив не надо изобретать. Эта мелодия может быть прочитана в космическом деянии Уриила. В этом мотиве то, что является имагинацией, преобразуется в инспирацию.

Но и сам человек живет некоторым образом как воплощенная инспирация, как существо, состоящее из инспирации в этой Мистерии Высот и Низов, в этой Мистерии срединной связи, в этой Мистерии, на которую сверху указывает Дух-Отец, в этой Мистерии, на которую указывает снизу Матерь вещества, в этой Мистерии, связанность в которой возникает благодаря тому, что из совместного деяния Духа-Отца и Матери-Земли непосредственно перед человеческой душой предстает Христос, предстает как несущий Мировой Дух.

То, что прядется здесь изо всех этих космических тайн, я позволю себе поставить перед вами определенным образом. Человек, включенный в ткань середины лета, чувствовал бы примерно следующее. Первые слова были бы такими, как если бы смотрение Уриила, сгустившись в инспирацию, соединялось с духовными звучаниями всего хора:

ВЫСОТЫ

Гляди на наше тканье,

Сияющее взывание,

Пылающую жизнь.

ГЛУБИНЫ

Живи тем, что скрепляет земное

И дыша, созидает форму,

Тем, что поистине правит.

СЕРЕДИНА внутреннее человека

Ощути твои кости скелета

Вместе с небесным светом

В царящем единстве мира.

Здесь, в этих девяти строчках, заключены мистерии высот, мистерии глубин, мистерии середины или же человеческого внутреннего. И как итог всего в целом, как космическое подтверждение этой мистерии Высот, Глубин и Середины все озвучивается тонами труб и органа:

Материи да сгущаться,

Ошибкам да исправляться,

Сердцам да проясняться.

Итак вы имеете то, что, храня, вознося и укрепляя как наполненная инспирацией имагинация Иванова дня, как наполненная имагинацией инспирация Иванова дня, в летнее Иваново время может пронизать человека, а именно это:

Гляди на наше тканье,

Сияющее зывание,

Пылающую жизнь.

Живи тем, что скрепляет земное

И, дыша, созидает форму,

Тем, что поистине правит.

Ощути твои кости скелета

Вместе с небесным светом

В царящем единстве мира.

Материи да сгущаться,

Ошибкам да исправляться,

Сердцам да проясняться.

Пятая лекция. Дорнах, 13 октября. 1923 г.

В последнее время мной были поставлены перед вашей душой четыре космические имагинации, которые могут быть результатом сопереживания человеком годового кругооборота. Если хотят понять человека, его место, его положение в мире, то это понимание следует искать во взаимодействиях сил тех сущностей, которые проявили себя в связи с этими образами. И вот сегодня мне бы хотелось вначале сказать вам кое-что в качестве введения. Если открывают душу всем впечатлениям, которые могут быть получены при виде этих четырех образов, тогда одновременно перед душой появляется и нечто иное, то, что

стало ощущаться в ходе человеческой эволюции, ощущаться как отголосок древних инстинктивно-ясновидческих воззрений, то, что сегодня приводится иногда лишь исторически, но в основе своей не понимается. Настоящие поэты или люди духа чувством улавливают тогда эти порой чудесные голоса, эти традиционные отзвуки времен, они пользуются ими, используют их, желая выразить самое высшее, самое великое. Впрочем, и в этом случае понимание весьма незначительно. Так удивительно звучат слова из первой части "Фауста", их нередко цитируют, но едва ли они действительно понятны. Это слова, звучащие в "Фаусте" после того, как Фауст открывает книгу Нострадамуса, видит знак Макрокосма и затем восклицает:

Wie alles sich zum Ganzen webt

Eins in dem andern wirkt und lebt!

Wie Himmelskraefte auf und nieder steigen

Und sich die golden Eimer reichen

Mit segenduftenden Schwingen

Vom Himmel durch die Erde dringen

Harmonisch all das All durchklingen!

Как все здесь соткано в одно,

Творит, друг в друга вплетено!

Друг в друге и живет, и действует оно!

Силы небес идут то вверх, то вниз по кругу,

Ковши златые отдают друг другу,

В благоуханье крыл нетленных,

С небес пронизывая землю,

Звучат в гармонии Вселенной!

Это величественная картина, о которой тот, кто знает Гете, может сказать, что поэт улавливает ее чувством. Ибо то, что создавал Гете благодаря знакомству с литературой и древними традициями, то, что он вобрал своим чувством, - это впервые предстает перед нашей душой как целое, если мы имеем перед собой то, что я изобразил вам в четырех великих космических имагинациях: осенней имагинации Михаила, Рождественской имагинации Гавриила, Пасхальной имагинации Рафаила и летней Ивановой имагинации Уриила. Вы должны представить себе, что от всех этих существ - Гавриила, Рафаила, Уриила и Михаила - излучаются, пронизывая Космос, силы, которые втекают в человека, формируют человека. Для того чтобы понять это, надо рассмотреть, как чисто материально поставлен человек внутри космоса.

В этом отношении сейчас, увы, весьма незначительно понимание того, что есть на самом деле. Вы, например, найдете, что везде в естественно-научных, медицинских кругах пишут, как человек вдыхает кислород воздуха, как углерод в нем поглощает кислород; этот процесс сравнивается с внешним сгоранием, когда какое-нибудь внешнее вещество соединяется с кислородом воздуха, и вот то, что происходит в человеке, называют горением. Да, весь процесс, разыгрывающийся в крови, - поглощение кислорода углеродом, - внешне описывается как сгорание, потому что не знают следующего: не знают, что все процессы и вещества, находящиеся вне человека, сразу же становятся чем-то иным, когда они входят в человека. И тот, кто говорит об этом своеобразном соединении углерода с кислородом в человеке, рассматривая это соединение как сгорание, тот подобен тому, кто стал бы говорить так: неважно, что у человека есть пара живых легких, внутри него могла бы быть

и пара камней, туда можно было бы подвесить пару камней. Примерно то же заявляет и тот, кто говорит о сгорании углерода в кислороде внутри человека.

Все, что происходит в природе вовне, становится иным, проникая в человека. В человеке нет того процесса, как протекает он вовне, в природе. И то, что мы имеем внешне в горящем пламени, - это мертвый огонь; то, что мы, соответственно, имеем в человеке, - это живое пламя, оживленное, одушевленное пламя. И так же, как камень относится к легким, так относится и внешнее пламя к тому, что под действием жизни протекает в человеке, когда соединяются углерод и кислород, хотя с внешней точки зрения, химически, это также является сгоранием. Все духовное современности зависит от того, смогут ли правильно смотреть на эти вещи. Пусть перед вами соль, и вы ее съедаете за обедом, пусть вы едите что-нибудь другое, куриное яйцо или что-то еще; сегодня люди воображают, что и внутри человека куриное яйцо остается таким же, как и снаружи, что вещество, например соли, остается таким же, как и вовне. Это неверно. То, что проникает в человека, сразу же становится чем-то другим. И силы, которые производят это изменение, исходят весьма определенным образом от существ, описанных мной в четырех космических имажинациях.

Давайте восстановим самую последнюю, описанную мной картину для Иванова дня: в ткущем солнечном золоте в высотах парит Уриил, ткущий свое тело из золотого света (см. Доска 5, красное). Как я говорил вам, его надо представлять себе с серьезным и осуждающим взглядом, ибо его глаза направлены на кристаллическую сферу Земли и он видит, сколь мало соответствуют человеческие ошибки абстрактной, но тем не менее блестящей красоте того, что происходит как кристаллизация в кристаллической сфере Земли. Строгим и осуждающим является его взгляд, направленный вниз и сравнивающий человеческие ошибки с тем, что живет и действует в кристаллах Земли. И я говорил вам о том, что жест Уриила есть жест увещевания, своего рода задание для людей, призывающее их, когда они это поймут, превратить ошибки в добродетели. Ибо вверху, в облаках, появляется образ красоты, ткущийся из золота Солнца образ красоты - всего того, что могут исполнить люди в добродетели.

От существа, которое должно быть описано именно так, - его нельзя описать иначе - от этого существа исходят силы, которые действуют в людях, но действуют весьма своеобразно. То, что я вам описываю, происходит в середине лета. Мы должны представить себе, что это существо Уриила, вообще-то, не покоится, но величественно движется. Это необходимо, так как, когда у нас лето, на противоположной половине земного шара зима, а если у нас зима, то на противоположной половине - лето; тогда Уриил там, в высотах. Мы должны представить себе, что если здесь Земля (Рис.2, Доска 6), то здесь для нас в наше летнее время показывается Уриил, он движется и за полгода переходит на другую сторону Земли; у нас тогда зима. Когда Уриил спускается (желтые стрелки), то есть в то время, когда его силы приходят к нам по нисходящей линии, лето у нас сменяется зимой; здесь у нас зима, а Уриил на другой стороне. Но Земля не задерживает силы Уриила, приходящие к нам. Когда Уриил для жителей другого полушария находится здесь, внизу, его силы проникают к нам сквозь Землю. Так что мы можем сказать: то, что непосредственно проникает в нас от Уриила сверху вниз (красная стрелка) и хочет пронизать нас летним золотом Солнца, это действует зимой сквозь Землю и пронизывает нас с другой стороны; здесь это идет по восходящей линии, это восходящее течение.

Если то, что происходит к Иванову дню летом в человеке благодаря природе, - ведь то, что здесь действует Уриил, действует в силах природы, - мы поставим перед нашей душой, тогда мы должны представить, как эти силы Уриила, излучаясь в Космосе, проникают в наши облака, в наши дожди, в нашу молнию и гром, проникают в рост растений. Так должны мы представить себе все это. Зимой, после того как Уриил обогнул Землю, это струится в нас сквозь землю и останавливается в нашей голове. И в нашей голове силы, находящиеся обычно вовне, в природе, которые можно назвать силами Уриила, становятся силами, которые делают нас гражданами всего Космоса, благодаря им в нашей голове возникает отображение Космоса, просветляющее нашу голову, так что мы становимся обладателями человеческой сущности. Это будет правильно, если мы скажем: с лета, осенью и до зимы Уриил спускается, весной Уриил начинает подниматься и благодаря этим восходящим и нисходящим

силам Уриила мы имеем внутренние силы нашей человеческой головы. Вы видите, что летом Уриил действует в природе, зимой действует он в голове человека, так что в этом смысле человек действительно является микрокосмом по отношению к Макрокосму - мы только тогда понимаем человека, когда включаем его в мир не только в природном, но и в духовном смысле. Исследовав силы, излучающиеся от Уриила и струящиеся в человека в течение года, мы должны то же самое сказать и, например, о Рафаиле, силы которого струятся весной в силах природы, как я это вам описал. Так я должен был описать вам, что Пасхальную имагинацию завершает урок, который Рафаил, можно сказать, великий медик мира, может дать человечеству. Ибо вследствие того, что совершает Рафаил весной, когда он ткет в силах природы, подобно тому, как делает это Уриил летом, если мы благодаря инспиративному духовному слуху дадим всему этому воздействовать на себя, тогда, как я изображал вам это, все знание об исцелении человека получает свое высшее завершение.

Но то, что ткет здесь Рафаил весной, поворачивается вокруг земли, так же как поворачивается вокруг Земли Уриил. Уриил - это космический Дух Лета, который огибает Землю и зимой создает силы внутри человеческой головы. Рафаил - это Дух Весны, который огибает Землю и осенью создает силы человеческого дыхания. Так что мы можем сказать: в то время, когда вверху осенью космическим Духом, космическим Архангелом является Михаил, Рафаил ткет в человеке, действует во всей дыхательной системе человека, организует ее, благословляя, вершит в ней. Мы только тогда правильно представляем осень, если, с одной стороны, мы имеем мощную имагинацию Михаила с мечом из метеорного железа, в одежде, сотканной из солнечного золота, сквозь которое блестит серебряное сияние земли, если это мы представляем вверху над нами; в человеке же действует Рафаил, который играет роль для всего того, что идет от легких к сердцу, а от сердца - через всю систему кровообращения. Те целительные силы, которые ткут в космосе весной во время Рафаила, человек учится узнавать, узнавая то, что совершает Рафаил в дыхании человека осенью, когда его излучения проходят сквозь землю, а Михаил находится вверху.

Есть великая тайна: все целительные силы заложены первоначально в человеческой системе дыхания. И тот, кто действительно понимает общий процесс дыхания, узнает целительные силы в человеке. В других системах целительных сил нет. Другие системы сами нуждаются в исцелении.

Посмотрите, что я говорил о педагогике: дыхательная система особенно деятельна между седьмым и четырнадцатым годами жизни ребенка. Если в первые семь лет жизни возможность заболевания велика и после четырнадцати лет снова бывает значительной, то относительно наименьшей она становится в то время, когда с помощью эфирного тела система дыхания, пульсируя, пронизывает человеческое тело. Именно в дыхательной системе заключено таинственное исцеляющее ткущее воздействие. И все тайны исцеления - это в то же время и тайны дыхания. Последнее связано с тем, что воздействия Рафаила весной являются космическими, а осенью проникают в общую тайну человеческого дыхания.

Мы узнали, что Гавриил - это Рождественский Архангел. Он является к Рождеству космическим Духом. Чтобы его найти, нам надо смотреть вверх. А летом Гавриил несет людям все, что действует в силах питания человека, силах, которые формируют, в питающих пластических силах. Названные силы снова переносятся к середине лета в человека благодаря силам Гавриила, после того как Гавриил нисходит от области своего космического воздействия зимой к области воздействия на человека летом, когда его силы струятся сквозь землю, так как зима теперь на другой стороне.

Подходим, наконец, к Михаилу: Михаил является космическим Духом осенью. Тогда он высший, тогда он в своей космической кульминации. Затем он начинает спускаться, и его силы проникают сквозь землю весной, восходят; и они живут во всем, что в человеке становится движением, что является в нем выражением воли, что позволяет и ходить, и хватать, и работать.

Теперь представьте себе полную картину. Представьте картину Иванова дня: вверху строгий Уриил с осуждающим взглядом, с укоризненными жестами и мимикой, и восходящий к человеку, пронизывающий его внутренне, мягкий, любящий взгляд Гавриила, благословляющие жесты Гавриила: таково летом взаимодействие Уриила из космоса и Гавриила со стороны человека.

Переходя от лета к осени, вы подпадаете - как я вам описал - не могу сказать, под приказывающий, скорее под указующий взгляд Михаила. Ибо взгляд Михаила, если образ видят правильно, таков, как если бы глаз был указующим перстом, как если бы глаз не хотел заглядывать в себя, но хотел бы вглядываться в мир. Взгляд Михаила активен, позитивен, деятелен. И меч, выковывающийся из космического железа, Михаил держит в руке так, что рука одновременно указывает человеку его путь. Это картина вверху. А внизу Рафаил смотрит глубокомысленным взглядом, подступает к человеку и приносит человеку силы исцеления, те, что сначала он, можно сказать, возжигал в космосе; Рафаил с глубоким, исполненным смысла взором, опирающийся на жезл Меркурия, опирающийся на внутренние силы земли; вот так имеете вы взаимодействие Михаила в космосе и Рафаила на земле.

Перейдем к зиме. Гавриил - космический Ангел, Гавриил смотрит сверху мягко и с любовью, он благословляет, он ткущий в зимних облаках, я хотел бы сказать, в белоснежной одежде; внизу - строгий, осуждающий и укоряющий Уриил. Положение изменилось.

И опять-таки, когда мы подходим к весне: вверху Рафаил с глубокомысленным взглядом, с жезлом Меркурия, который, однако, становится в воздухе подобным огненной змее, змее, сияющей в огне; он уже не опирается на землю, но как бы сдерживает с помощью сил воздуха все, что, смешиваясь и взаимодействуя, существует в космосе как огонь, вода, земля, сдерживает для того, чтобы превратить это в целительные силы, действующие и ткущие в воздухе. Внизу же тогда Михаил, подступающий к человеку; он становится здесь особенно видимым, со своим взглядом, который я бы назвал - в позитивном смысле - указующим: взгляд, указующий на

мир, желающий направить туда же и взгляд человека; это происходит, когда весной Михаил, присоединяясь к Рафаилу, встает около человека.

Посмотрите: вот перед нами картина: зима - Гавриил вверху, Уриил внизу; весна - Рафаил вверху, внизу Михаил; лето - Уриил вверху, Гавриил внизу вместе с человеком; осень - Михаил вверху, Рафаил внизу вместе с человеком.

Возьмите то, что проникло из далеких времен как древнее заклинание, которое снова возобновил Гете:

Как все здесь соткано в одно,

Творит, друг в друга вплетено!

Друг в друге и живет, и действует оно!

И точно: Уриил, Гавриил, Рафаил, Михаил действуют вместе, один действует в другом, живет в другом, и, когда человек включается во Вселенную как духовно-душевно-физическое существо, эти силы волшебным образом действуют в нем. Как правильны эти слова, как далеко идут они! Только подумайте, что именно означают слова:

Как все здесь соткано в одно,

Творит, друг в друга вплетено!

Друг в друге и живет, и действует оно!

Силы небес идут то вверх, то вниз по кругу, -

Силы небес идут то вверх, то вниз! - я перехожу к следующей строке:

Ковши златые отдают Друг Другу,

В благоуханье крыл нетленных,

С небес пронизывая землю,

Звучат в гармонии Вселенной

Вспомним вчерашнюю лекцию, где все требовало перехода от пластического к звуковому: "Звучат в гармонии Беленной!".

Я не могу сказать вам, что я ощутил, когда все это встало перед моей душой, и снова читал слова Гете: "С небес пронизывая землю!" Это "пронизывая" может страшно потрясти своей единственной правильностью; это именно то, что есть на самом деле! Потрясает то, что эти слова проходят через мир как бряцанье колокольчика, думают, будто это поэтическая вольность, будто эти слова такие же, как пишут люди в письмах, в своих статьях. Это не так. Это слова, соответствующие космическим фактам. Страшно потрясает, когда читаешь это место гетевского "Фауста" и связываешь его с истиной.

Теперь пойдем дальше. Нам открылось то, как силы небес с золотыми крыльями - это Архангелы - звучат в гармонии Вселенной, творят, друг в друга вплетены. Но здесь заключено большее. Посмотрим на Гавриила, берущего из космоса силы питания и летом привносящего их в человека. Эти питающие силы действуют в пищеварительной системе человека. Рафаил управляет дыхательной системой. Попеременно двигаясь "то вверх, то вниз", Гавриил и Рафаил взаимодействуют так, что Гавриил отдает дыханию те свои силы, которые прежде действовали в импульсах питания человека; силы питания становятся силами исцеления. Гавриил отдает питание Рафаилу - так питание становится исцелением. Если то, что обычно находится в человеке лишь как питание, наполняется тайнами дыхания, оно становится целительным.

Michael: Bewegungskraft

Gabriel: Naehrung

Raphael: Heilung

Uriel: Gedankenkraft

Михаил: движущая сила

Гавриил: питание

Рафаил: исцеление

Уриил: мыслительная сила

Следует взглянуть на то превращение, которое проделывают внешние вещества в пищеварительной системе, - тогда познают значение сил Гавриила, сил питания в человеке. Но эти силы продолжают действовать дальше в системе дыхания. И, действуя дальше в системе дыхания, они будут не только силами, удовлетворяющими голод и жажду, восстанавливающими человека; они будут силами, внутренне корригирующими больного человека. Претерпевшие метаморфозу силы питания становятся силами исцеления. Кто правильно понимает питание, понимает и начало исцеления. Кто знает, чем должна быть соль в организме здорового человека, тот знает - если он дает воздействовать на себя той метаморфозе, которая от гавриилческого переходит в рафаилческое, - как тогда должна действовать соль в качестве лекарства в том или ином случае. Целительные силы в нас - суть метаморфизированные силы питания. Рафаил принимает от Гавриила златой ковш питания. Он передается ему.

И тут открывается тайна, которая, как можно установить, была обыденным делом в древности, но впоследствии оказалась сокрытой. Тот, кто сегодня может читать Гиппократ, - а может быть, и тот, кто не просто читает Галена, но способен интерпретировать его, - тот заметит, что у Гиппократ, и даже у Галена, древних медиков, еще живет нечто от великой человеческой тайны. В нашей дыхательной системе вершат целительные силы, они постоянно лечат нас. Наше дыхание - это постоянное исцеление. Но когда силы дыхания поднимаются к голове человека, тогда силы исцеления становятся духовными силами человека, действующими в чувственном восприятии, в мышлении. То, что мышление, восприятие, внутренняя духовная жизнь человека являются производными высочайшей терапевтической метаморфозы - метаморфозы исцеления, - то, что как находящаяся между головной и метаболической системами человека целительно-дыхательная система в качестве исцеляющей силы продлевает область своего воздействия еще дальше, вверх, - это является материальной основой духовной жизни человека; это тайна, которую когда-то осознавали, это почти ясно при чтении Гиппократ и, может быть, по крайней мере интерпретировано у Галена.

Так что можно сказать: мысль, зажигающаяся в голове человека, - это, в сущности, преображенная сила целительных импульсов, заключенных в различных веществах. Если человек провидит это и, скажем, держит в своей руке какую-нибудь целебную соль или целебное растение, он, глядя на них, скажет: ты здесь, благая целительная сила, и по потребности я вношу тебя в человека; проникни дальше сама; войди в сферу дыхания, действуй в голове человека, и тогда ты станешь вещественным носителем человеческой силы мышления, ибо Рафаил отдает свой ковш Уриилу. То, что Рафаил воспринял в питании и претворил в исцеление, это Рафаил отдает Уриилу, и оно становится силой мышления.

Почему целебные средства лечат? Целебные средства целебны, потому, что они на пути к духу. И, зная, насколько лекарственное средство близко к духу, знают и целебную силу этого средства. Дух, будучи один, сам по себе, не может проникать непосредственно в человека, в земное, однако нижняя ступень духовного - это терапевтическая сила.

Как Гавриил отдает Рафаилу силы питания для преобразования их в целительные силы, так сказать, свой золотой ковш, как Рафаил отдает свой золотой ковш Уриилу, который делает целебные силы силой мышления, так и Михаил, взяв от Уриила силы мышления, наделяет силой космическое железо, из которого выкован его меч, превращает эти силы мышления в волю, а в человеке они становятся силами движения. Таким образом, мы действительно получаем эту вторую картину: идя то вверх, то вниз, Ури-ил, Рафаил, Гавриил, Михаил действуют друг в друге, скажем, Уриил и Гавриил, действуя друг с другом и содействуя друг другу, передают один другому свое достояние, чтобы в нем оно могло действовать дальше. Мы видим, как силы неба идут то вверх, то вниз и отдают друг другу золотые ковши питания, исцеления, мышления и движения. Так движутся эти золотые ковши от одного к другому, и в то же время один взаимодействует с другим в мировой гармонии.

И вот мы снова возвращаемся к словам из этого места в "Фаусте":

Силы небес идут то вверх, то вниз по кругу,

Ковши золотые отдают друг Другу.

Именно "золотые" - эти слова верны, ведь эти вещи сотканы из золота Солнца, исходящего от Уриила, как я вам это описал.

Гете именно прочел то, что он поэтически изобразил в этом изречении. Это произвело на него огромное впечатление. Он не знал того, что описывается здесь. Потрясает же именно то, что такой дух, такой ум, как Гете, своим поэтическим чувством улавливает в древней традиции то, что столь невероятным образом восстанавливает истину.

Это нечто величественное, с чем мы связываем себя снова, развивая в современности духовную науку, отдаваясь этим вещам: если мы действительно видим, как взаимодействуют Уриил, Рафаил, Михаил и Гавриил, как они передают друг другу свои собственные силы, если мы видим как все это выглядело первоначально, тогда древние изречения, сошедшие к нам, может быть, окольным путем, как здесь, - через Гете, - смогут действовать на нас, и мы увидим, как в легендах и мифах мощно проходила когда-то через мир древняя инстинктивная истина! Как затем пришло другое время, и как в наше время это снова должно быть поднято на более высокую ступень.

О, Гиппократ, - мы могли бы назвать его Рафаилом, который занят тем же, чем и он, или Меркурием, или Гермесом, - это уже безразлично, - этот Гиппократ жил в то время, когда наступили сумерки для знания о взаимодействии Гавриила, Рафаила и Уриила, знания о том, что между мышлением и силами питания находятся целительные силы. Инстинктивная древняя мудрость давала те замечательные старинные лекарства, которые снова и снова открывают заново, которые сегодня находят у так называемых примитивных народов, причем не могут представить себе, как люди к этому пришли. Все это связано с тем, что человечество когда-то обладало древней мудростью.

Сейчас в вашей душе, мои дорогие друзья, должен был бы возникнуть вопрос; приняв все мной описанное, вы должны были бы, например, предположить: если силы Рафаила ткут и живут весной, а от Рафаила в дыхательную систему человека переносятся осенью, то человек должен быть полностью захвачен силами космоса, действующими и ткущими по ходу времен. Это изначальное положение. Однако человек - существо, которое помнит и дальше все, что оно переживает однажды; все, что является внешним переживанием человека, сохраняется благодаря памяти и спустя дни и годы может еще быть внутренним переживанием настоящего времени; нечто аналогичное происходит и в космосе. Ведь человек переживает силы Рафаила внутренне, в своей дыхательной системе, не только осенью; это продолжается зимой, весной, летом. Об этом остается как бы уплотнившееся воспоминание.

Условия, описанные мной, именно таковы, но в человеке остаются воздействия всего года. Как переживания откладываются в памяти, так же остаются здесь воздействия всего года, а иначе человек не мог бы быть существом, развивающимся в течение всего года равномерно. В земной жизни дело обстоит так, что одно забывается легче, другое - труднее, но то, что насаждает Рафаил в нашей дыхательной системе осенью, было бы следующей осенью забыто, если бы Рафаил не пришел снова. До этих пор действует в дыхательных органах память, эта природная память, но затем все должно снова возобновляться.

Так человек, будучи все же вовлечен в природный процесс, не изгнан из мирового процесса, он включен и в мировой кругооборот. Но включен он в этот мировой процесс еще и другим образом. Дело обстоит так, что человек, находясь на земле, ограничен своей кожей, проникнут своими органами; тогда он представляет собой нечто изолированное от космоса, ибо связи, описанные мной, в сущности, неуловимо-таинственны. Но все обстоит иначе, когда человек существует духовно-душевно, например в предземном бытии. Здесь, между смертью и новым рождением, душевно-духовное тклет в духовной области, в духовной сфере. Здесь это душевное как бы взирает сверху вниз, но прежде всего не на отдельное человеческое тело, которое оно выбирает себе с течением времени, а на всю землю сразу, на землю в ее связи со всей планетной системой, со всем этим прядением и жизнью Рафаила, Уриила, Гавриила и Михаила. Здесь находятся вовне, взирают извне.

И врата для вхождения души, возвращающейся из предземной жизни в земную, открыты только в то время, в течение которого от декабря и до начала весны Гавриил как космический Архангел тклет вверх, а внизу, со стороны человека, тклет Уриил, внося космические силы в человеческую голову. В течение этих трех месяцев ежегодно к Земле из космоса спускаются души, которые будут воплощены в течение года. Затем они останавливаются и ожидают возможности для вступления в планетарную земную сферу; те души, которые родятся в октябре, дожидаются своего рождения уже внутри земной сферы. И в

сущности, многое зависит от того, должна ли душа, вступив в земную сферу, уже соприкоснувшись с ней, дожидаться внутри земной сферы своего земного воплощения. У одних душ это бывает дольше, у других - короче.

Но вот что еще составляет особенную тайну: точно так же, как оплодотворяющее семя проникает в яйцо только при одном положении, так и небесные семена проникают в целое существо земного года лишь тогда, когда вверху как космический Ангел правит Гавриил с мягким, любящим взглядом, с благословляющими жестами, а внизу - Уриил с осуждающим взглядом и жестом увещания. Это время, когда Земля оплодотворяется душами. Это время, когда земля покрыта снегом, когда земля переходит в свои кристаллообразующие силы, когда человек может быть связан с Землей, с мыслящим земным мировым телом; тогда души из Космоса вовлекаются в сферу Земли, как бы собираются вместе. Это - ежегодное оплодотворение существа земного годового оборота.

Мы приходим ко всем этим вещам, если направляем свой взор в Космосе не только на физическое, но и на действие тех космических сущностей, которые описал я вам в четырех картинах. И, обладая этим, можно в некоторых поэтических произведениях проникнуть в космическое веяние и тканье - ведь оно существует в мире.

Как все здесь соткано в одно,

Творит, друг в друга вплетено!

Друг в друге и живет, и действует оно!

Силы небес идут то вверх, то вниз по кругу,

Ковши златые отдают Друг Другу,

В благоуханье крыл нетленных,

С небес пронизывая землю,

Звучат в гармонии Вселенной!

В этих словах можно ощутить нечто от того удивительного действия друг в друге и друг с другом, действия четырех существ Архангелов, которые вместе с силами природы ткнут в человеке природное, душевное и духовное, которые живут и действуют, творя, друг в друге и друг с другом.

Шестая лекция. Штутгарт, 15 января 1923 г.

То, что я собираюсь сказать вам сегодня, будет сказано образным языком, языком имагинативной жизни, той имагинативной жизни, которая является выражением, откровением духовного житья, того духовного мира, в который человек вплетен со всем своим бытием и со всей своей деятельностью. Благодаря самым различным описаниям, сделанным здесь, нам уже известно, что о духовном мире - если речь идет о конкретных явлениях - нельзя говорить столь же абстрактно, как говорят о внешней чувственно-воспринимаемой природе. Мы также знаем, что тот вид, та дорога, о которой мы должны здесь говорить, не только не лишена реалистичности, но, напротив, она гораздо ближе к реальности, чем логическая абстрактная речь, используемая нами для выражения чисто природных истин. Таким образом я хочу лишь указать на общую установку в том рассмотрении, которое хочу провести перед вами.

Если человек проникает духовным взором за физически-чувственный мир, то ему открывается духовный мир, и для выражения того, что ему открывается духовно, он испытывает предрасположение использовать в качестве образов явления физического мира. Так что позвольте также и мне поставить в центр этого изложения один образ, который, впрочем, поистине реален. В истории развития человечества всегда происходило так, что импульсы для

своей деятельности оно воспринимало из духовного мира. Созерцающие в нем находили эти импульсы как бы вписанными "железными" буквами в духовный свет; ими они могли руководствоваться. В духовном мире дело обстоит так, что мы то, о чем у нас идет речь, можем сравнить с дорожными указателями на физическом плане, но не с такими, на которых стоит указатель с названием места, а с дорожными указателями, в которых мощно звучащими словами выражено то, что должно перейти в мышление, чувство и волю человека. Духовный дорожный указатель - вот о чем я говорю. Однако такие указатели в духовном мире обычно облечены для человека в некую примечательную форму - да и во все времена они облекались в форму некоего загадочного изречения. Чтобы разгадать такую задачу, приходилось приложить усилия. Надо было скомбинировать многое из того, что знал человек, чтобы такой дорожный указатель с его загадочным языком действительно стал пригодным для жизни импульсом. Именно сегодня обнаруживают в астральном свете - так хотелось бы мне назвать это - соответствующие современности и ближайшему будущему мудрые слова, которые могли бы стать побуждением для людей.

По самым разным поводам и, я бы сказал, в самых разных местах для имеющих способности такого восприятия проявляется в загадочной форме нечто вызывающее у человека ощущение, что он должен руководствоваться этим, должен воспринять это как мощный импульс в свою волю и во всю свою душевную жизнь. И то, что подобно такому духовному дорожному указателю блистает нам в астральном свете, может быть облечено в такие слова:

Его себе на службу создаешь ты,

Его вещественную ценность раскрываешь

Во множестве твоих трудов,

Но лишь тогда оно тебе во благо станет,

Когда ты в нем раскроешь

Возвышенную силу его духа.

Тут требуется разгадать, о чем идет речь. Речь идет о каком-то объекте, о чем-то известном человеку, так как иначе нельзя было бы рассчитывать на ответ

Его себе на службу создаешь ты,

Его вещественную ценность раскрываешь

Во множестве твоих трудов,

Но лишь тогда оно тебе во благо станет,

Когда ты в нем раскроешь

Возвышенную силу его духа.

Объяснению этих слов, из астрального мира раскрывающихся человеку подобно указующему импульсу, должно быть посвящено сегодняшнее изложение.

Вспомним кое-что из уже приводимого здесь мной. Вспомним о том, что кругооборот года, закономерно совершающийся через весну, лето, осень и зиму, обладает духовным содержанием, что духовные свершения, сверхчувственные свершения раскрываются в том, что происходит по ходу года подобно тому, как сверхчувственная душа и сверхчувственный дух человека раскрываются в том, что происходит в телесной жизни между рождением и смертью. Подумайте о том, что во всем происходящем по ходу года внешне - в зимнем снеге, в прорастающей, распускающейся жизни весны, в цветении летом, в поспевании и созревании осенью, - во всем, что физически раскрывается перед человеком, скрыто духовное, оно

является носителем всего этого. Сначала направим наш взор на то, что по ходу года происходит с весны до лета и до осени.

Во всем, что открывает земля - в камнях и растениях, во всех существах, - живут духовные сущности; не только всеобщая, взаимосросшаяся духовность, но и отдельные духовные сущности, духи природы. Эти духи природы во время зимы укрываются в лоне земли; всех этих природных духов земля как бы вдыхает, они находятся внутри земли. Когда приходит весна, земля как бы выдыхает свою духовность вовне и природные духи устремляются вверх. Они стремятся вверх вместе с силами, вместе с жизнью, действующей в воздухе, пронизанном светом и солнечным теплом. Когда наступает Иванов день, вершина лета, то, взглянув наверх, в вышину, мы находим там образ, раскрывающий все, что, воплощаясь в формах облаков, в молнии и громае, воплощаясь во всем том, что, как метеориты, находится вверху, раскрывающий духов природы, которые во время зимы жили в лоне земли. В течение зимы мы должны направлять наш взор вниз, к земле, должны ощущать или созерцать, как под снежным покровом скрыто работают духи природы, чтобы потом, когда зима снова превратится в весну и лето, выйти из созидающей земли наружу.

Если же мы направим наш взор вниз, на землю, летом, то земля как бы обеднеет в отношении природных духов. Тогда природные духи увлекаются во Вселенную. Они соединяются с формами облаков и со всем тем, что человеческий взгляд может встретить вверху. Эти природные духи находятся во всем, что я уже упоминал, они увлекаются в высоты, причем уносят с собой в очень утонченном, разряженном состоянии то, что внешне открывается в грубой безжизненной форме как сера, так называемый сульфур. В середине лета эти природные духи живут и действуют, волнообразно двигаясь в облачных образованиях и в том, что им подобно, например в сере, в сульфуре, который в крайне утонченном виде присутствует во время лета в высотах бытия земли. Так что если мы сумели бы распространить наши вкусовые ощущения в высокие сферы нашей земли во время середины лета, мы могли бы воспринять там вкус серы или запах серы, хотя и в крайне утонченной, subtilной форме. То, что там вверху развивается под действием солнечного света и тепла,

подобно тому, что происходит в организме человека, когда из этого человеческого организма истекают наружу вожделения, желания, эмоции и им подобное. Тот, кто в состоянии созерцать, чувствовать эти вещи, знает, что духи природы там, вверху, в высотах, в середине лета живут в некоей стихии, которая так же связана с вожделениями, как и та жизнь вожделений, которая связана с животностью человека, внутри которой человек также сульфурезован, проникнут незначительной концентрацией серы. Мы в некотором смысле видим в середине лета над нами низшее в человеке, животность человека, видим ее как пропряденную духами природы, оживленную духами природы.

Познавая живущую и действующую в человеческой природе сульфурезацию, мы обозначаем ее как нечто ариманическое; внутри живет, в сущности, арима-ническое. Так что можно было бы сказать: если мы обратим наш духовный взор ввысь, в высоты, в середине лета, то в космических серных вожделениях нам будет раскрываться ариманическое. Если же мы в эту целостную мировую взаимосвязь мысленно поставим и человека, тогда мы могли бы сказать: то, что является в нем низшей природой, земля зимой вбирает в себя, прикрывает это кристаллическим снегом; так земля принимает ариманическое. Когда же оно в середине лета высвобождается, тогда оно действует вовне в мировом пространстве как космические вожделения: тогда оно подчинено законам находящимся пососедству с землей планет, которые действуют на него. При этом обнаруживается, что против этой ариманической вожделейности, внедренной в космос, исходящей от человека, действует в космосе противостоящая сила. Эта противодействующая сила проявляется в тех достопримечательных образованиях, что выпадают временами из космоса на землю, - образованиях, содержащих метеоритное железо. Если взглянуть на кусок метеоритного железа, то он может служить свидетельством распространенности железа в космосе.

Сильные августовские звездопады, которые, так сказать, пускают в ход метеорное железо космоса, становятся внешним проявлением тех природных сил, что противодействуют силам вожделений, распространяющихся в это время в космосе. И в космическом железе,

уплотнившись до метеоритов, мы имеем стрелы, которые космос посылает против ариманических вождедений, раскрывающихся в космосе вышеописанным образом.

Так можем мы с пониманием и благоговением взирать на мудрое водительство космоса. Ведь мы знаем, что это животное начало необходимо человеку потому, что, только преодолевая его, он может развить те силы, которые делают его человеком в полном смысле. Человек не мог бы иметь это вождедеющее начало, эту животность, если бы она не была также частью космоса. Так что серное, сульфурное, ариманически-серообразное представляет собой один полюс во внешнем космосе, тогда как стрелы, посылаемые из космоса через пространство, чтобы преодолеть это серное сульфурическое начало, концентрируются в метеоритное железо, концентрируются в эти, я бы сказал, метеоритные снаряды космоса.

Но человек - это поистине микрокосм, малый мир. Все, что вовне, в великом мире, раскрывается в таких гигантских, величественных явлениях, как явления метеоритов, все это проявляется и внутри его собственного физического существа. Ведь это физическое существо есть лишь выражение, откровение его духовного существа. Так что мы носим в себе сульфурное, исходящее некоторым образом от низшего, животного начала в человеке. Мы можем сказать, что это сульфурно-ариманическое струится сквозь человеческий организм, возбуждает его вождедеющую природу, возбуждает его эмоции. Это мы чувствуем внутри себя, это же мы созерцаем над нами в середине лета в космическом покрывале вождедений. Но так же мы созерцаем, как в это космическое покрывало вождедений выстреливаются железные стрелы метеоритов, очищая и проявляя, составляя как бы противо-полюс этой вождедеющей животности. Ведь при этом выстреливании метеоритных стрел из космоса происходит очищение этого расположенного над нами жи-вотно-вождедеющего покрывала в середине лета.

Но то, что столь величественно, столь грандиозно происходит в космосе, постоянно происходит и в нас.

Частицы железа в нашей крови мы сочетаем с другими веществами, и в то время как, с одной стороны, процесс сульфуризации пульсирует в нашей крови, ему в качестве противоположуса противодействует внутреннее, подобное метеорному, начало - внутреннее железо, которое выполняет ту же самую функцию, что и метеоритное железо вовне в космосе. Мы вправе представлять себе отношение человека к космосу так, что вспышки метеоритов мы можем считать космическим прообразом тех повторяющихся миллионы раз внутренних метеороподобных вспышек, при которых железо нашей крови освобождает, очищает и проясняет нас от протекающего в этой же крови процесса сульфуризации.

Так являемся мы внутренним отображением космоса. В космосе это происходит в середине лета. Человек же, поскольку он эмансипирован от природы по отношению к срокам происходящего в природе, и эту середину лета наряду с другими временами года он как бы постоянно носит в самом себе, подобно тому, как он постоянно удерживает в памяти то, что было им пережито раньше. Вовне оно исчезает, внутри остается. То же происходит, когда человек, как микрокосм, отображает Макрокосм. Однако человек должен душевно-духовно охватить то, что он несет в своем физическом теле, должен суметь пережить это в себе: это пережить, как метеориты железа крови обстреливают сульфур крови, пережить это как свободу, как инициативу, как силу своей воли. А иначе все это останется в нем в лучшем случае на уровне животного или вегетативного процесса. Непосредственно духовно-душевное становление каждого из нас как человека состоит именно в том, что этот разыгрывающийся в нас железно-сульфурный процесс мы охватываем душевно-духовным, посылает в него душевно-духовное как импульс. Подобно тому как, изготовив инструмент, - если мы в состоянии его изготовить - мы можем делать то или иное с помощью этого инструмента, так живущий и действующий в нас железно-сульфурный процесс мы можем поставить себе на службу с помощью нашей воли, если возьмем его в руки, если как люди овладеем тем, что является внутренними процессами нашего тела.

Теперь от человека еще раз обратимся к космосу. То, что разыгрывается здесь, вовне, в космосе, является для человека серьезнейшим напоминанием. Этот космический

процесс, связанный с метеоритным железом, поистине напоминает нам о процессе, протекающем внутри физического, который может быть поставлен на службу нашему духовному внутреннему миру. Мы теперь подходим к тому, какой смысл следует придать вышеупомянутой надписи в астральном:

Его себе на службу создаешь ты,

Его вещественную ценность раскрываешь

Во множестве твоих трудов.

Приглядевшись к жизни нового времени, к той жизни, которая наступила в ходе последнего столетия, мы видим то, что составляет существеннейшую часть материалистической культуры - использование железа в сфере материальной жизни. Осмотримся повсюду, где в последнее время расцветала наша культура; железо там было тем, что в физическом мире предоставило нам все приведшее к расцвету материалистической культуры. Мы видим нечто используемое людьми в невероятном масштабе, что самым настоящим образом предписывало пути развития отраслям материалистической культуры, выравнивало эти пути; мы повсюду видим железо и изделия из него.

Если мы говорили о материализме с точки зрения духовной жизни, то сущность материализма в духовном смысле состоит именно в том, что мы всегда думаем, будто все является материей, а дух - это лишь утонченный материальный процесс. Но за последние четыре столетия материализм у людей проявлялся не только в том, что человек мыслил материалистически, но материализм проявлялся в обладании внешними вещами. Из импульсов новой культуры человек использовал железо для материальной культуры, а то, что выпадало с небесных высот как метеориты, он в лучшем случае рассматривал как экзотическую редкость, пытаясь объяснить ее с помощью науки, которая мало могла здесь понять. Однако это метеорное железо, падающее на землю из космоса, очищающе и проясняюще воздействует на животную жизнь.

Оно напоминает, что мы должны переключить внимание с материального использования железа на службе у земного на то, что разыгрывается над нами как небесное служение железа в области образования метеоритов, а прежде всего разыгрывается в нас самих. Ибо метеоритный процесс всегда протекает и в нас самих. Вот так является нам первая часть этого сияющего нам навстречу в астральном свете изречения, слова, начертанного железными буквами:

О, человек,

Его себе на службу создаешь ты,

Его вещественную ценность раскрываешь

Во множестве твоих трудов,

Но лишь тогда оно тебе во благо станет,

Когда ты в нем раскроешь

Возвышенную силу его духа.

Мы не только должны переключить внимание с мыслительной формы материалистического мировоззрения на спиритуальное мировоззрение, мы должны также перенести взор от того, что мы поставили на службу материальной культуре, к духовной, космической стороне этих поставленных на материальную службу объектов. Благодаря этому изречению, которое надо только разгадать, нам указано на тот дух, который живет во Вселенной, проявляясь в метеоритных явлениях в середине лета. Поскольку именно тогда ариманический процесс сульфуризации, протекающий лишь внутри человека, становится космическим, а метеоритный процесс становится его полярной противоположностью, он представляет собой стрелы, посланные из космоса в ариманические вождедения в высоте.

Если позволить всему этому подействовать на душу, тогда удастся почувствовать человека в правильной связи со всем мировым окружением, почувствовать собственную человеческую кровь, одушевленную, одухотворенную кровь. Удастся почувствовать противоположность: ариманического, с одной стороны, в качестве железа крови, очищающего от ариманического, - с другой; удастся почувствовать внутренний метеоритный процесс. Тогда с полным пониманием можно будет взирать на то, что происходит вовне, когда космические духовные силы ниспосылают железные стрелы в ариманический мир вожделений космоса; тогда можно будет ощущать себя всецело связанными с космосом, всецело преданными ему. В этом единичном проявлении можно будет ощущать себя непосредственным и правомерным образом преданными космосу.

Если все это ощущается с серьезностью, то из этого чувства формируется космическая имагинация; тогда и не может произойти ничего иного, кроме как формирования, построения этой космической имагинации. Животное предстоит перед внешней чувственной природой иначе, оно не может образовывать о ней понятий, представлений, только общее впечатление, тогда как человек формирует представления; подобно этому достигшая точного ясновидения видящая душа, вживаясь в собственный метеорный процесс и направляя взор к космическому метеорному процессу, переживает насыщенную полноту жизни, что приводит в итоге к внутренне насыщенной картине, к имагинации, отображающей бытие человека, - микроско-му, сросшемся воедино с макрокосмом.

Вот почему такая имагинация не есть какая-то фантастическая картина, нет, такая имагинация есть действительное, реальное выражение того, что живет, переходя через мир и через человека, а в нашем случае живет в явлениях времен года.

Имагинацией, появляющейся перед человеком из этого переживания, становится именно та самая, которая формируется из сопереживания годового кругооборота

природного процесса с середины лета до осени, с конца середины лета вплоть до начала осени. Из этого переживания возникает образ Михаила, живо и реально предстающий перед душой. Из того, что я описал вам, является образ Михаила в его борьбе с драконом, с животной природой человека, с процессом сульфуризации. Здесь, в сущности, производится душа, которая сама образована из космической жизни и деятельности, и она просто воссоздает битву Михаила с драконом. Является сам Михаил как внешнее выражение того, что действует вовне, в космосе, преодолевая животную вожделеющую природу. Но он является с указующим мечом, указывая таким образом на высшую природу человека. И мы правильным образом представляем себе Михаила, если космически выплавленное и выкованное железо становится для нас Его мечом. Так для нас выступает из, я бы сказал, духовных облачных образований образ Михаила с позитивным, созерцающим, указующим взглядом, с глазами, подобными указателю, которые посылают взгляд из себя вовне, а не вбирают его вовнутрь; нам является рука Михаила, со всех сторон окруженная брызгами метеоритного железа, которое, как бы расплавляясь под космическими силами вожделений, вновь сплавляется в пламенный меч Михаила.

Мы представляем себе Михаила правильно, в полном соответствии с реальностью, если мыслим Его Лик сотканным из золотистого летнего света, с позитивным взглядом, который подобен указателю, исходящему от него, который излучается от Него подобно световому лучу. Мы представляем себе Михаила правильно, если воспринимаем Его меч, пламенеющий от искрящегося метеоритного железа, из которого он выплавляется, меч, которым Он указывает пути человечеству от природы животной к высшей, человеческой, указывает пути от лета, когда человек больше всего имеет дело с внешней природой, когда человек больше всего находится в природном сознании, к иному времени, к осени, когда человек может пережить, если он способен сопереживать, природу, умирающую, умерщвляющую себя природу. Но было бы слишком печально для человека, если бы он мог сопереживать при приближении осени эту умирающую, угасающую природу. Давайте переживать и весну: тогда каждый из нас станет поистине цельным человеком, тогда мы отдадимся пускающей ростки распускающейся, возрастающей и цветущей природе. Став

таким целостным человеком, мы цветом вместе с цветком, мы распускаемся вместе с каждым листком, мы сами созреваем вместе с каждым семенем. Тогда мы отдаемся восстающей, распускающейся, прорастающей природе. Мы можем отдаваться ей, она хочет жизни. Мы ощущаем жизнь в этом сопереживании ее жизни. Тут мы поступаем правильно, если отдаемся природе, ибо здесь мы обретаем жизнь. Осенью же нам не следует развивать в себе это природное сознание, так как, развивая его односторонне, мы должны будем сопережить лишь умирающую, угасающую жизнь. Человеку не следует сопутствовать ей, он должен обороняться от нее. Так же, как он должен сопереживать живущую природу вместе со своей собственной жизнью, так же должен он умирающей природе, смерти противопоставить свое "Я". Природное сознание должно перейти в самосознание.

Эта величественная, мощная картина приближающейся осени позволяет нам увидеть в том, что происходит в космосе, такой призыв: "Природное сознание переходит в человеке в самосознание!" Но чтобы душевно и духовно преодолеть внутреннее умирание анималистической природы, человеку нужна сила. Для этого-то он и получает руководство, направляющее его взор на явления космоса, получает руководство от того, что открывается в образе Михаила с указующим, позитивным взглядом, с пламенеющим метеоритным мечом в правой руке. Этот Михаил является нам именно в борьбе с анималистической вождеющей природой, образ которой всеединая ткань жизни тоже показывает нам. Если бы мы захотели нарисовать всю имагинацию, мы не могли бы здесь сделать это по-человечески произвольно: мы должны рисовать ее, исходя из того, как нас инспирирует космос. Тогда мы могли бы сульфурическое, желто-красноватое, стремящееся в высоту с элементарными духами, художественно воплотить в образе дракона, формирующегося из серы, так, чтобы здесь над серным драконом, чья пылающая голова отображает этот процесс вожделения, над этим ариманическим сульфуризированным драконом возвышался образ Михаила, так, как я уже изобразил его.

Кто понимает мир, тот может изобразить этот мир в имагинациях. Тот, кто считает, будто можно изобразить

битву Михаила с драконом в произвольной форме, тот грешит против внутренней реальности мира. Силы, живущие внутри мира, он манифестирует для человека в определенных образах. Все великие произведения живописи и иных искусств мира выросли отнюдь не из человеческого произвола. Иначе едва ли они оставались бы для людей привлекательными на протяжении столетий и даже тысячелетий. Они возникли из действительного понимания того, что живет и действует там, вовне, что живет и действует также и в людях. И если затем из жизненного и ткущего начала, присущего природе и человеку в их общности, создается то, что манифестирует себя в имажинациях, то, что, будучи тайной природы, позволяет разглядеть себя во всех подробностях строения, в красках и в блеске, если все это получает художественное оформление, тогда-то и возникают настоящие, великие произведения искусства, которые создаются ясновидцами, которым затем подражают имитаторы и шарлатаны, аляповато приукрашают, и уже нельзя узнать то истинное величие, которым наделены эти произведения, созидательные деяния космоса. Эти произведения на протяжении веков импульсируют человечество. Великие шедевры живописи, скульптуры, искусства вообще никогда не смогли бы осуществиться, стать тем, чем они стали, если бы не создавались из созерцания импульсов природной и человеческой жизни.

Так можем мы приоткрыть для созерцания то, что если рисовать Михаила с драконом в современной духовной интерпретации - более древние интерпретации тоже действовали в соответствии с познанным ими, - то он нам явится таким образом: лик, образующийся из золотого солнечного блеска с позитивным взором, взором созерцательным, с пламенеющим мечом, плавящимся и вновь формирующимся из метеорного железа космоса; внизу дракон, мучитель человеческой природы, дракон, приоткрывающийся в середине лета, сернистый дракон, открывающийся в ткущих то возникающих, то вновь исчезающих пламенах. Этот подвижный дракон, обладающий сернистыми свойствами, находится внизу, он есть обретший форму искушитель человека и враг высших Иерархий, одолевающий духовность метеоритного железа и вынужденный контрастировать со сражающимся Михаилом. Духовность метеоритного железа удерживает дракона.

Здесь перед вами пример того, как истинное знание переходит в искусство, всегда должно переходить в искусство, ибо невозможно исчерпать действительность с помощью одних абстрактных понятий. Веление нашего времени - постижение таких образов, постижение ради укрепления и пробуждения человечества. Вот почему хотелось бы начертать в самой глубине человеческой души именно этот образ, соответствующий времени образ борьбы Михаила с драконом, чтобы и в современности, и в будущем действовал он в волевых и мыслительных силах человека. Пора знать: если часть человечества серьезно воспримет этот образ, если часть человечества поймет, как формируется этот образ из сил самой природы, формируется из путеводительных манифестаций астрального света, тогда к материальному применению железа в последние столетия, особенно в XIX столетии, добавится духовное самопроникновение смыслом железа. Тогда с помощью этого образа человек воспламенит духовно-душевные силы, которые сделают его способным овладеть тем, что волит в нем внутреннее метеоритное железо, содержащееся в крови и преодолевающее серу. Нам надо научиться не давать этому процессу разыгрываться в подсознании, формируя низшую природу человека, нам надо научиться ставить этот процесс, этот железный процесс в человеческой крови, на службу душевно-духовному. Это то, чего хочет в нас Михаил.

Это то, что выступает перед нами как требование из астрального света - надо достойно проводить праздник Михаила в начале осени. Если мы сейчас говорили в нашем кругу об этом празднике Михаила, который дополняет ряд праздников - Пасхи, Рождества и Иванова дня, - то не следовало бы понимать это так, что нужно, мол, внешним образом справлять там и тут названный праздник, нет, речь идет о том, что праздновать этот праздник мы сможем лишь тогда, когда будем знать о его значении. Рождество было установлено не на основе произвольно принятого решения, а потому, что оно связывалось с рождением Христа Иисуса. Пасха связана с Мистерией Голгофы. Это в высшей степени значительное событие в исторической жизни человечества. Праздник Михаила - Михайлов день - тоже должен иметь значение: он связан с великим, важным внутренним переживанием человека, с той внутренней силой, которая

призывает человека развивать из природного сознания самосознание, развивать его благодаря силе своего мышления, силе своей воли, чтобы он смог стать мастером-руководителем метеоритного железистого процесса - в своей крови процесса, который является противником процесса сульфуризации.

Конечно, сера и железо циркулируют в человеческой крови, с тех пор как существует человеческий род. Бессознательная природа человека обуславливает то, что разыгрывается между серой и железом. Это надо поднять в сознание. Мы должны научиться познавать этот процесс как выражение внутренней борьбы человека с драконом. Мы должны учиться поднимать этот процесс в сознание. Тогда этот процесс и станет тем, с чем мы можем связать праздник Михаила. Но прежде это надо осуществить, это должно быть вполне понято, понято глубоко внутренне. Тогда можно будет праздновать праздник Михаила как Праздник, учрежденный самим Космосом, должен праздноваться людьми. Тогда мы будем иметь познание, которое видит в железе нечто иное, нежели то, что видит в нем современный химик или механик. Тогда мы будем иметь то, что научит нас овладеть железом в нашем собственном организме, в нашем внутреннем человеческом существе. Тогда мы будем иметь величественный образ Михаила в борьбе с сернистым драконом, Михаила с пламенным железным мечом, и этот импульс воодушевит нас, чтобы стать таким, каким должен стать человек, если этот человек хочет развивать эволюционные силы не в сторону упадка, а в сторону восхождения.

Вот на что указывает нам из духовного мира предупреждение, начертанное железными буквами, складывающимися в загадочное изречение, которое, однако, может быть правильно и в соответствии с современностью понято:

О, человек,

Его себе на службу создаешь ты,

Его вещественную ценность раскрываешь

Во множестве твоих трудов,

Но лишь тогда оно тебе во благо станет,

Когда ты в нем раскроешь

Возвышенную силу его духа.

Это железо. Давайте учиться познавать железо как и все вещества не только по отношению к его вещественной ценности, давайте учиться познавать возвышенную силу его духа! Тогда это будет способствовать прогрессу Земли, которого мы должны желать, если только мы хотим быть людьми в истинном смысле.

**Дополнительная лекция. Дорнах, 31 декабря
1915 г.**

GA 165

Эта лекция взята из сборника "Р. Штайнер. Праздники года". - С-Пб.: "Дамаск" 2002. Перевод Г.А. Кавтарадзе.

Мои дорогие друзья, многое, что хочется сообщить из тайн духовного мира, приходится выражать сначала образно, можно сказать, наполовину образно, но при этом речь идет об образах, которые действительно существуют. Выражать образно то, что я хотел бы дать вам сегодня для вашей дальнейшей медитации, необходимо потому, что если бы мы захотели говорить не в образах, а в понятиях, то пришлось бы прибегнуть к длиннейшим рассуждениям. Каждый же, кто даст место в своей душе тому, что я скажу сегодня, и до известной степени промедитирует это, может прийти и к более глубокому.

Каждый год в это время мы переходим от одного отрезка времени к другому. Разумеется, это может показаться сначала всего лишь удобным распределением времени, но это не так. Ибо люди, которые произвели это распределение времени, глубоко инстинктивно следовали определенным великим законам течения времени. Праздник перехода из одного года в другой отмечается - я говорю, разумеется, о наших странах - в глухую зимнюю пору, когда растения прекратили рост, цветение и принесение плодов. Только некоторые деревья в лесу сохраняют, как говорят, свою вечную зелень во все время зимних снегов. Солнце развивает тогда свою наименьшую силу.

Мы знаем, что во все совершающееся перед нашими органами чувств воткано то, что совершается в духе. Мы знаем, что, проходя по лесу, мы имеем вокруг себя не только деревья с листьями и зеленой хвоей, но что в таинственных глубинах бытия действует и творит духовное и душевное начало. Мы уже привыкли ощущать как указание на подлинно действительное то, на что умные люди смотрят как на детское суеверие. Нам уже ясно, что в основе всего чувственного, будут ли то твердые вещи или то будут явления, которые могут быть наблюдаемы чувственно, в основе всего лежат духовная деятельность и духовное становление. Так смотрим мы прежде всего на безжизненную, как говорят, неорганическую Землю, на все, что находится на ней как минеральное царство; так смотрим мы на все безжизненное. Для внешнего материалиста это безжизненное есть только безжизненное. Для нас со всем безжизненным связано душевное и духовное, так что мы можем говорить о душевном и духовном всей нашей так называемой безжизненной, неорганической, чисто минеральной Земли. Конечно, говоря о сознании Земли, мы видим в ее геологически-минеральном не то, что можно было бы сравнить с человеческими мускулами и кровью, но только скелет, то есть ее твердый элемент. Так что, говоря о сознании Земли, мы должны мыслить его связанным со всей Землей, к которой принадлежит не только скелет, но и вода, воздух и так далее, то есть то, что соответствует мускулам и крови. Вся Земля обладает сознанием, сознанием, которое принадлежит ее минеральному царству. Мы не будем останавливаться сейчас на изменениях этого сознания Земли

в определенных странах в течение года, мы лишь введем в свою душу представление о том, что вся эта Земля имеет сознание. А теперь обратим наш взгляд от минеральной Земли к тому, что пробивается и произрастает из нее как мир растений.

Рассматривая мир растений с точки зрения духовной науки, мы должны видеть в нем прежде всего некое самостоятельное существо по отношению к нашей Земле. И что совокупность растительного бытия является самостоятельным существом по отношению к Земле, это выступает особенно ярко, когда видишь сознание этих двух сущностей. Мы можем говорить о сознании всей минеральной Земли в целом, но мы можем говорить также о сознании всего растительного мира, развивающегося на Земле. Законы этого сознания, разумеется, иные, чем законы человеческого сознания. И когда мы говорим о сознании растений, то мы можем говорить только об одной определенной территории, так как это сознание меняется соответственно территориям Земли.

Мы, люди, не обращаем внимания на то, что наше сознание и сознание, например, мира растений всей Земли как бы параллельны. Это происходит из-за того, что в наше полное сознание мы включаем только дневное и не берем нашего ночного сознания. Чтобы облегчить наше рассмотрение, скажем просто: во время бодрствования наше "Я" и наше астральное тело находятся в физическом теле. Но я уже указывал, что это касается, собственно, только нашей крови и нервной системы, а не остальных наших систем. Когда [во время сна] "Я" и астральное тело находятся вне нашей головы, то тогда они тем сильнее погружены в наш остальной организм. Это полная параллель, например, тому, что, когда на одной половине Земли - зима, на другой - лето; это также только смена сознания. Но то же самое происходит и в нас. Только мы этого не замечаем, так как у нас, людей, оба сознания не обладают одинаковой ясностью. Они проявляются в нас с различной силой. Ночное сознание есть притупленное, практически для нас даже не существующее сознание, дневное же есть полное сознание другой стороны нашей природы. Наша низшая природа бодрствует ночью, когда наша высшая природа спит, и дело обстоит здесь так же, как и с Землей: когда на одной стороне - зима, на

другой - лето; когда на одной стороне - состояние бодрствования, на другой - состояние сна, и обратно.

Так, как я только что изложил и как уже не раз излагал прежде, дело обстоит только относительно мира растений. Мир растений спит для нас в разгар лета, как раз когда он произрастает и живет. Развивая в полной мере свое физическое, он спит. И он бодрствует в полном сознании тогда, когда внешне физически он не совершает никакого развития, когда его физическое развитие отстывает назад; тогда растительный мир бодрствует. Так что мы говорим о всех растениях Земли как о некотором целом, и этой цельности растительного мира соответствует некоторое сознание. Когда мы говорим об этом сознании, о втором по счету сознании, которое пронизывает минеральное сознание Земли, когда мы говорим об этом растительном сознании, то мы можем сказать о нем в собственном смысле: "В наших странах оно спит в разгар лета и бодрствует в темное время зимой".

Но теперь, в это время, происходит еще нечто иное, мои дорогие друзья. Оба эти сознания, то есть общее сознание Земли, принадлежащее минеральной Земле, и общее сознание растений, оба эти сознания обыкновенно разъединены, это два существа в течение всего года. Но теперь [к Новому году] они уже не только два существа, они пронизывают друг друга, так что одно проникнуто другим в то время года, в котором находимся мы теперь. Теперь, когда один год переходит в другой, минеральные вещи и процессы нашей Земли и весь растительный мир имеют одно сознание, то есть оба эти сознания проникают друг в друга.

Какого же рода это минеральное сознание Земли, которое, как сказано, мы сегодня не будем рассматривать в его внутренних отличиях, как мы рассматривали сознание растительного мира, которое мы берем бодрствующим зимой и спящим летом? Каково своеобразие этого сознания минералов, сознание Великого Существа Земли?

Ограниченный лишь своими физическими восприятиями, ограниченный рассудком, на который он смотрит как на

принадлежащий к этим физическим чувствам, человек сначала не в состоянии ничего знать об этом великом сознании Земли. Но духовная наука может научить нас тому, что, собственно, мыслит это сознание Земли, что оно мыслит так, как мы мыслим минералы, растения, животных, воздух, реки, горы и так далее. Подобно тому, как мы мыслим в нашем обычном дневном сознании, так же мыслит и Земля. Что же она мыслит в своем сознании? Спросим себя сегодня: "Что мыслит Земля?" Мои дорогие друзья, Земля мыслит в своем сознании прежде всего все принадлежащее к ней небесное пространство. Как мы смотрим своими глазами на деревья и камни, так Земля смотрит в своем сознании в небесные пространства и мыслит все то, что происходит в звездах. Земля есть существо, размышляющее о процессах на звездах.

Итак, в минеральном сознании содержится, в сущности, как мысль тайна всего Космоса. В то время как мы, люди, беззаботно ходим по поверхности Земли и думаем только о камнях, на которые натыкаемся, или о чем-либо ином, окружающем наши внешние чувства, Земля размышляет обо всем внешнем Космосе тем сознанием, сквозь которое мы проходим, передвигаясь в пространстве. Ее мысли поистине более величественны и всеобъемлющи, чем наши. И нас, в сущности, необычайно возвышает сознание: ты проходишь не только сквозь воздух, но и сквозь мысли Земли.

Обратимся теперь к другому, к сознанию растений. Растения не могут мыслить так много, как Земля. Сознание, мыслящее сознание растительного мира в целом, а не отдельного растения, гораздо более ограничено; оно охватывает меньший круг Земли в течение всего года, но только не в эти дни. В эти дни сознание растений едино с сознанием Земли. И благодаря тому, что сознание растений пронизывает сознание Земли, растительный мир узнает в новогоднее время, то есть теперь, звездные тайны, он воспринимает их и обращает их на то, чтобы весной растения могли вновь расцвести согласно тайнам Вселенной и принести цветы и плоды. Ибо в том, как растения несут листья, цветы и плоды, заключена тайна Вселенной. Но во время распускания, цветения и принесения плодов растения уже не могут размышлять об этом. Они могут мыслить об этом только теперь, когда сознание растений соединяется с

сознанием минерального мира. Поэтому в духовной науке говорится, что в это время, приблизительно в эту новогоднюю ночь, два кругооборота пронизывают друг друга. И это тайна вообще всего бытия, что кругообороты растений и минералов один раз в году взаимно пронизывают друг друга и затем опять развиваются раздельно, затем опять пронизывают друг друга. Подумайте, как чудесна эта тайна становления: сознание растений и сознание минералов - два потока развития - раздельно проходят они весь год и соединяются в то время, когда один год переходит в другой. И снова идут целый год раздельно, и снова соединяются в новогоднюю ночь. Таково движение кругооборотов в истории.

Теперь от этого процесса, который может наполнить нас глубоким, священным, трепетным чувством перед тайной перехода одного годового цикла в другой, от этой тайны, которую, я сказал бы, мы непосредственно проходим шагами, перейдем к еще большей тайне. Мы знаем, что мы живем теперь в цикле развертывания души сознательной. Этому циклу предшествовал цикл развертывания души рассудочной или души как таковой; ему предшествовал цикл развертывания души ощущающей, и далее мы приходим к развертыванию тела ощущений. И если мы пойдем так далеко назад, что придем к тому времени, когда все человеческое мышление развивается в пределах цикла тела ощущений, так называемого астрального тела, то мы вернемся в пятое тысячелетие до нашего христианского летоисчисления.

Нам предстоит пройти через душу сознательную, через Самодух, и человек будет развиваться дальше. Душа сознательная развивается в наше время главным образом благодаря тому, что человек употребляет свое физическое тело как единственное орудие. Отсюда, как вы слышали это здесь в различных лекциях, наплыв материализма, так как человек пользуется теперь главным образом своим физическим телом. Но придет время, когда он будет пользоваться не только физическим телом - я описывал, как человек будет развиваться далее, - когда он научится снова употреблять свое эфирное тело, свое астральное тело, как он употреблял свое астральное тело некогда в том цикле развития, в котором оно давало основной элемент сознания.

Итак, мы можем сказать, что однажды мы жили на Земле так, что наша душа прошла через соприкосновение ее сознания с сознанием нашего астрального тела. Как на Новый год сознание растений проходит через сознание минералов, так несколько тысяч лет назад наша душа прошла через наше астральное тело, через сознание, которое присуще собственно нашему астральному телу. Тогда наша душа в ее сознании и наше астральное тело были едины. Здесь мы возвращаемся на тысячелетия назад, в шестое тысячелетие до нашего летоисчисления. Когда это произошло, человечество праздновало на Земле Новый Год, Великий Новый Год! Как мы имеем теперь Новый Год как взаимное прохождение сознания растений и сознания минералов, так за шесть тысячелетий до нашего летоисчисления был Новый Год нашей Земли, но ее Великий Мировой Новый Год. Наше душевное сознание соединилось, прошло тогда через астральное сознание нашего тела.

И что это тогда было? Мои дорогие друзья, тогда, за шесть тысячелетий до нашего летоисчисления, когда наше внутреннее душевное сознание проходило через астральное сознание нашего тела, тогда ограниченное человеческое сознание, какое мы имеем теперь, расширилось подобно тому, как расширяется сознание растений на Новый Год. Как растение взирает в Небеса благодаря тому, что его сознание соединяется с сознанием минералов, так человек созерцал и воспринимал обширную область мудрости, когда за шесть тысячелетий до нашего летоисчисления его душа соединилась с астральным телом в Мировой Новый Год. Из этого времени исходит то знание, которое впоследствии было утрачено (мы говорили об этом несколько дней назад), когда погибло знание гностиков. Истоки этого знания мы должны искать в Мировом Новом Годе Земли, начавшемся приблизительно за шесть тысячелетий до нашего летоисчисления. Это то знание, из которого черпал Заратустра, знание, чьи последние великие лучи еще озаряли гностиков, от которых, как я уже излагал, остались лишь скудные остатки, пример чего я приводил. Зима Земли, но и Новый Год Земли есть то, к чему мы возвращаемся.

И если вы теперь прибавите к этому те годы, которые истекли от основания христианства, и еще около четырех тысяч лет далее, тогда снова произойдет в том роде, как я только что указал, прохождение нашего душевного сознания через астральное сознание, но только на более высокой ступени. Человек снова вступит в мировое звездное сознание. И мы будем готовиться к нему нашей духовной наукой, чтобы были подготовленные для этого люди.

Мои дорогие друзья, подготовим Мировой Новый Год! А подготавливая Рождественский праздник так, как я указывал здесь при одном из последних рассмотрений, мы подготовим себя правильным образом. По мере того как рождение духовного знания будет становиться в нас благоговейным Рождественским настроением, мы будем готовиться к Мировому Новому Году, который наступит через двенадцать тысяч лет после старого Мирового Нового Года.

Двенадцать месяцев протекает от одного соединения растительного сознания Земли с минеральным сознанием до другого. Двенадцать тысяч лет протекает от одного Мирового Нового Года до другого, от одного прохождения человеческой души через астральный мир до другого прохождения человеческой души через астральный мир.

Так взираем мы, мои дорогие друзья, в этот святой час из малого Нового Года на Великий Мировой Год, из одного кануна нового года на другой, к которому мы готовимся тем, что пытаемся теперь, в это зимнее время, видеть свет, который естественным, элементарным образом притекает к человеку как обитателю Земли только в ее Мировой Новый Год. Поистине мы видим мир в подлинном свете только тогда, когда понимаем то, что нас окружает, не только так, как это представляется нашим внешним чувствам, как понимает это материалистический ум, но когда мы рассматриваем то, что нас окружает во внешнем мире, как символ великих мировых тайн. И когда приходит новогодний вечер, нам может показаться, что к нам приближается как бы вестник из духовного мира и раскрывает нам тайну Нового Года, говоря нам: "Смотри, теперь во тьме и холоде середины зимы сознание растений соединяется с сознанием минералов Земли. И это да будет тебе знаком того, что и Земля имеет

свой год, Великий Мировой Новый год, о котором некогда говорил Заратустра, разумея его действительное течение от одного Мирового Нового Года до другого, и который необходимо понять, если хочешь понимать ход развития человечества".

О двенадцати тысячах лет говорит Заратустра. Он имеет в виду двенадцать тысячелетий, о которых сегодня я говорил вам. Он установил земной год, состоящий из четырех промежутков времени, как ход развития земного человечества. Глубоко обосновано это в духовных тайнах.

Поэтому, мои дорогие друзья, пусть из более глубокого понимания нашей духовной науки наши души и наши сердца охватит благоговейное настроение. Пусть в наших сердцах разовьется та внутренняя теплота, которая может прийти к нам, когда в холодную зимнюю ночь мы слышим сначала весть о сошествии на Землю Духа Солнца, а затем о тайне кругооборота года.

Эти тринадцать дней суть дни, в которые сознание растений соединяется с сознанием минералов. И если человек может перенестись в сознание растений, то он может грезить, он может видеть некие тайны, которые тогда на разные лады пронизывают его сердце, подобно тому, как в прошлом году мы дали пройти им через нашу душу в "Песне о сне Улафа Остезона".

А воспринимая это благоговейное настроение, мы найдем, исходя из этого благоговейного настроения, правильное ощущение, правильное чувство для того, к чему мы стремимся в нашем духовном познании. Подготовим этой сердечной теплотой Мировой Новый Год, будем достойно ожидать мирового кануна, который должен принести Мировой Новый Год, чтобы в следующих воплощениях в совершенно иных земных отношениях, когда наши души переживут великий день кануна Мирового Нового Года, они пережили бы его так, как они могут пережить его теперь, когда канун малого Нового Года, день, который наступает по истечении двенадцати месяцев, а не две надцати

тысячелетий, становится символом кануна Великого Новогоднего дня.

Мои дорогие друзья, такова тайна нашего бытия! Все в великом таково же, как и в малом, и в малом таково же, как и в великом. И малое, ежегодное, мы понимаем тогда, когда оно является для нас символом великого тысячелетнего события.

Год есть образ эонов. Зоны же суть действительность тех символов, которые выступают перед нами в течение года. Если мы правильно понимаем это течение года, то в эту великую ночь наступающего Нового Года нас наполнит мысль о великих мировых тайнах. Постараемся же настроить нашу душу так, чтобы она могла взирать на Новый Год с сознанием: она хочет нести в себе кругооборот года как символ великого мирового кругооборота, заключающего в себе все тайны, через которые божественные существа, пронизывающие мир, проходят вместе с нашими душами от зона к зоне, подобно малым богам, прослеживающим таинственное становление растительного и минерального мира в кругообороте отдельного года.